

КРОКОДИЛ

№3

1980

— Докладывает бригадир Петров:
на объект прибыли!

**ПРОДОЛЖЕНИЕ ЭТОЙ ЗАГАДОЧНОЙ ИСТОРИИ С НЕОЖИДАННЫМ КОНЦОМ СМОТРИТЕ
НА СТРАНИЦАХ НОМЕРА.**

ДЕТИ И ОТЦЫ

Дорогой Крокодил!

Посылаю тебе фотографию оригинального устройства, которое широко внедряется в нашем городе.

**С. ВИКТОРОВ, А. ХАРИТОНОВ,
г. Жданов.**

Моя бы воля — памятник поставил бы тому, кто придумал общественный транспорт. Очень нужное, перспективное дело.

Посудите сами: транспорт чуть ли не единственное место, где мы общаемся. Ведь кроме — что остается? Семейная мини-ячейка. Служебный микроколлектив. Ох, давно все известно: и чем дети поражают и что скажет Марья Алексевна, технический секретарь директора. Вечером — односторонняя телесвязь с Андреем Мироновым либо ансамблем «Оризонты». Также в общем-то все знакомо и изучено.

Другое дело — когда еду с работы автобусом № 194 от Савеловского вокзала на Коровинское шоссе. Тут намного интереснее. Каждый раз новое общество, свежие впечатления. Диалоги, дискуссии, симпозиумы по любым проблемам. Невозможная бабуля ставит на мое плечо авоську с яблоками. Некто синеглазый в кроличьей шапке налегает сбоку, источая тонкий сивушный аромат. Зажатый дверью товарищ с запорожскими усами тшится передать пятак за проезд. И — разговоры, разговоры...

Восхитительное разнообразие тематики. О погоде. Об иранских событиях. О перебоях со стиральным порошком. О квалификации водителя («Черт, не дрова везешь!»). О хоккее. Наконец, о молодежи — в смысле неодобрения ее. Плохая, дескать, раньше лучше была.

К последней теме я прислушиваюсь с любопытством, близка она мне. Сам был молодым.

Мне кажется, что прежняя молодежь не вся была такой уж расчудесной. Вспоминаю своих сверстников — нет, самые разные экземпляры наблюдались, вплоть до носителей крупных недостатков. И если быть самокритичным — сам-то, как припомнишь... И двойки хватал и зайцем в трамвае ездил. И в инцидентах участвовал.

Хвастаться, правда, не любил. Может, потому, что особенно и нечем было хвастаться.

А некоторые любили. Да и до сих пор любят. Ведь сама-то постановка вопроса: «В наше время молодежь не та была» — это, скажите, не попахивает самолюбованием?

У теперешней молодежи такого я не замечал. Возможно, потом проклянется, ближе к брюзжальному возрасту.

— Во, — сетует седоватый боровичок, кандидат в пенсионеры, — ты глянь только, у этих волосатых мозги скрозь одними тряпками забиты. Что у парней, что у девок — без разницы. Джинс, замша там, платформа. Мы этим жили?

Боровичок лукавит: и он следил за модой. Просто та, послевоенная мода не низвергалась столь тяжким бременем. Она требовала с молодого человека одного: клеш пошире. А остальное — что есть. Выцветшая гимнастерка, фуфайка — все

сойдет, лишь бы не очень драное. Пальто не купишь — носи телогрейку либо шинелку старую. Лаковых ботинок нет — надевай парусиновые, ничего.

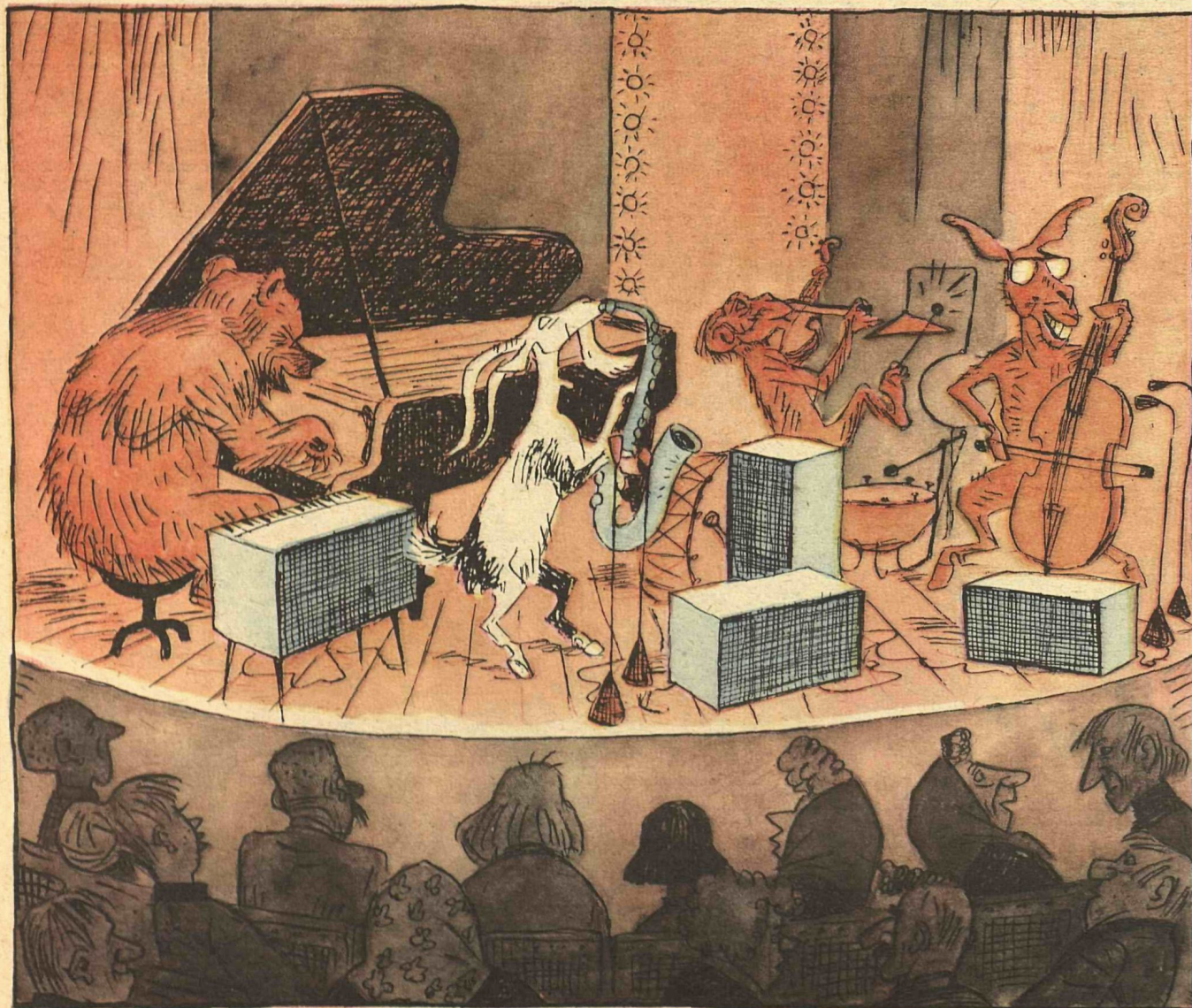
Теперешний молодняк из сил выбивается, только бы достать что позаметнее, поинтереснее. И терпит большую мучку. Ведь сейчас организовать кожаную нашьлепку на тыльное место во сто раз труднее, чем в старое доброе время сапоги хромовые. А нашьлепку, ее тоже надо пришить к чему-то. Значит — даешь джинсы, и чтоб на вид — небесно-голубые, на ощупь — кровельно-железные. Надо и блейзер в пуговицах из нержавеющей стали и рубашку с газетными объявлениями на неродном языке.

Даже при наличии наличности за всем за этим побегать надо. А главная беда не в этом. Вот — только ты достал себе, к примеру, вельвет-корд, только влез в него, обжился, только плечо отвел — покрасоваться перед Ней, единственной, оглянувшись — хлоп, а все твои дружки в том же вельвет-корде! Обескураживает нежелательная обезличка, и ты быстренько цепляешь цепочку на шею. Ан всюду уже одни цепочки маячат. Ладно, снял цепочку, нацепил лезвие от безопаски. Тут-то обскакал? Ничего подобного. Лезвий в киосках навалом, вокруг все шеи в бритвах...

И смекаешь: конца этому не будет. Хоть привяжи к носу дуршлаг, хоть вместо шапки живую кошку на голову насади — глаз намозолят тысячи дуршлагов и барсиков.

С прической — аналогично. Придумал один для оригинальности не стричься — и все за ним. Сейчас кого лохматостью удивить? А мне так нравится даже. Хоть и трудно их разглядеть среди шевелюры, зато простужаются редко. А издали и вообще не плохо. Сейчас что ни парень — вылитый д'Артаньян, шпаги только нет. А это, может, и хорошо, что нет. Даже точно — хорошо. А каждая девушка... а и девушка тоже вылитый д'Артаньян. Поскольку и кудри, и сапоги, и штаны — все при ней, кроме усов.

Не ругать молодежь надо. Жалеть. До жути невышенные требования предъявляются ныне к

— Мы и этим рады: никто к нам в село не хочет ехать.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

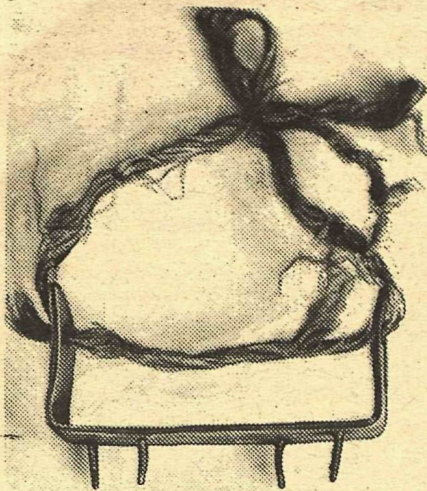

**МОЙ
КОММЕНТАРИЙ**

С АНТЕННОЙ НА ОБЫВАТЕЛЯ

Когда-то в Египте начальник был непременно в красной феске. Увидит, бывало, обыватель перед собой человека в феске и сразу, без разговоров платит ему какой-нибудь налог. Потому что тот в феске, да еще часто с палкой. Сейчас в Каире красные фетровые колпаки не в моде. Сейчас в моде... Но позвольте по порядку.

Однажды, не так давно, один весьма праведный провинциальный торговец (назовем его Мансуром) вышел из дверей банка очень собой довольный. И еще бы не быть ему довольным, когда в кармане две тысячи фунтов. Соответственно в мыслях ему рисовались радужные картины: вот, к примеру, возвращается он в свой город, в родную лавку и приобретает для нее японский электронный кассовый аппарат, чтобы было наконец, как у людей, и сажает за него красавицу трюродную племянницу Фатму, чтобы тоже, значит, как у людей. Возможно, конечно, ему рисовалось совсем и не это. И думал он вовсе не про новую кассу, а про то, чтобы вечером махнуть в ночной клуб на Пирамидной улице, от души попить виски и похлопать в ладоши, а потом в четвертом часу утра, может, даже и залезть на сцену, где будет плясать танец живота несравнен-

внешнему облику, и удержаться на уровне мировых стандартов ой как трудно.

С другой стороны, кое-кто приспособился стыдить нашу легкую промышленность, что нет в ней нужной верткости, что за модой не угонится, спроса не учитывает. А станьте-ка на ее место! Вообразите себя на время не человеком, а легкой промышленностью. Ей, легкой, вовсе не легко. Ведь если раньше клеш двадцать лет княжил, сейчас перемены ежемесячны. Сегодняшняя невеста простой фатой брезгует, интересуется сверху кружевную шляпку пристроить. Без шляпки замуж не согласна. И только промышленность кинется эти шляпки штамповать, невесты уж зажелают ермолочку из джинсовой ткани с надписью «Love». Возможно такое предугадать?

Тогда назревают попытки внедрения новых мод сверху, в приказном порядке. Чем черт не шутит — вдруг да понравится, популярность приобретет? Это элегантное изделие (см. фото) выпускает один из заводов г. Жданова. Штучка в меру изящна и достаточно полезна: привязанная к обуви,

предотвращает скольжение подошвы на заснеженных улицах и обледенелых тротуарах. Городская почтово-телеграфная станция предписала носить эти ледоступы всем почтальонам в обязательном порядке.

И вот, подите! Привередливым работницам связи новинка не показалась. Больше того — совсем не понравилась.

А если бы? Представьте себе — вдруг мода на ледоступы привилась? Что тогда?

Ничего хорошего. Кинулись бы в Жданов модницы, а разве сможет завод удовлетворить миллионный спрос? Курице ясно — не сможет. Значит — дефицит, спекуляция, левак. А левак — он работает без дизайна, такой красоты форм, какой добились заводские умельцы (см. фото еще раз), ему не достичь ничем.

И тот же результат: юная часть человечества стрессует, пожилая — осуждает ее за это.

Как наладить контакты отцов с детьми? Где он, выход?

Вот мой проект.

Давайте к каждому молодому индивидууму прикрепим пожилого шефа, который начнет усердно следить за всплесками моды, посещать Дом моделей и демонстрационные залы, организует обмен информацией с коллегами-шефами, будет приобретать нужные связи, с помощью которых его подшефный сможет прибархалиться. Житейского опыта у старших побольше, да и времени, кто на пенсии, хватает.

Наметятся два крупных плюса.

Первый плюс: включившись в эту деятельность, шеф незаметно для себя окажется в курсе современной жизни — что носят нынче, что завтра будут носить. Появятся общие с молодежью интересы. Противоречия сгладятся, утихнет стариковская ворчня.

Второй плюс: поскольку основные хлопоты по вращению в моду мы перевалили на плечи старшего поколения, у молодого освобождается прорва времени на творчество, учебу, спорт и всяческую личную жизнь. Появится возможность стать еще умнее и прекраснее.

Святослав СПАСКИЙ

ная Зизи Мустафа, и в знак восхищения всенародно сунуть ей за пазуху зеленую хрустящую бумажку с изображением мечети Сайида Зейнаб и цифры сто. Трудно сказать, о чем мечтал, сходя по ступеням банка, уважаемый коммерсант. Тем более, что мне об этом он не рассказывал. Ясно одно — был он счастлив.

И сделался еще счастливее, когда — о радость! — увидел перед собой такси. Отстраняя руками прохожих, закричал поспешно шоферу:

— Мир тебе, уважаемый! Почему отсюда до...

И вдруг забыл, куда ему ехать. Потому что из такси вылез человек и поманил его пальцем. Когда почтенный Мансур приблизился к нему на ослабевших внезапно ногах, человек резким голосом сказал:

— Документы!

И Мансур дал ему свое истрепанное, но совершенно правильное удостоверение личности. Человек же не глядя сунул его в карман.

— Пойдем!

Незнакомец был в пиджаке поверх майки и в сандалиях без задников, на босу ногу. Но у Мансура конечности подгибались не из-за пиджака, а из-за радиотелефона. Человек держал этот самый радиотелефон в руке. Такой маленький, черный, кожаный, вбок шилом антенна, страшный. По-американски «уоки-токи». Лишь сегодня утром Мансур видел, как сто полицейских пытались расковырять гигантскую транспортную пробку у гостиницы «Шератон» — и все сто были с такими же хрипящими, кашля-

ющими «уоки-токи». Ими командовал генерал — тоже с «уоки-токи». И полковники вокруг были с «уоки-токи».

— Я не виноват, господин полицейский, — заплакал Мансур.

— Сейчас узнаем, — пообещал ему конвоир и, достав из кармана отобранное удостоверение, прочитал по слогам в микрофон:

— Ман-сур Ка-сем. Прием.

И приложил рацию к уху. Они стояли теперь в углу темного бетонного двора.

— Значит, коммунист! Все понял. Приступаю к исполнению.

Бедный Мансур! Если вид радиотелефона заставил его трепетать, как кролика взгляд удава, то при слове «коммунист» он оцепенел, будто грешник на краю геенны огненной.

— Классовый мир подрывать! — гремел между тем незнакомец словами передовых статей из любимой Мансуром газеты «Аль-Ахбар». — Социальную гармонию разваливать! Великую историческую инициативу сепаратным миром называть! Отвечай, атеист!

Мансур непременно пал бы на колени, не будь ухвачен за воротник жесткой рукой. Другая же рука ловко выхватила из его нагрудного кармана перетянутую резинкой пачку радужных бумажек.

— Так ты еще и фальшивомонетчик в придачу! — страшным голосом закричал незнакомец. И бесследно исчез. Вместе с деньгами.

Минуло некоторое время, и каирские газеты сообщили об аресте шайки мошенников в составе девяти человек. Оказалось, эти мошенники, раздобыв где-то казенные портативные радиотелефоны, изображали из себя полицейских. Ничего особенного вроде не делали: всего-навсего обзывали обывателей коммунистами и грозились посадить в тюрьму. Но, как ни странно, за короткое время без особых хлопот награбили преизрядную сумму денег.

Конечно, в кофейнях, читая газеты, смеялись: «Ну, ослы!» Однако обывателя тоже можно понять. Ведь все последние годы его усердно пугали коммунистами: будто те желают отнять у арабов их нефть, отвести в сторону от Египта воды Нила и чуть ли даже не перевезти тайно в Москву всю пустыню Сахару. Стоит ли удивляться, что иной египетский обыватель сегодня впадает в шок, когда его называет коммунистом явно официальное лицо, имеющее при себе, как и положено явно официальному лицу, портативный радиотелефон, по-американски «уоки-токи»!

П. АНТОНОВ

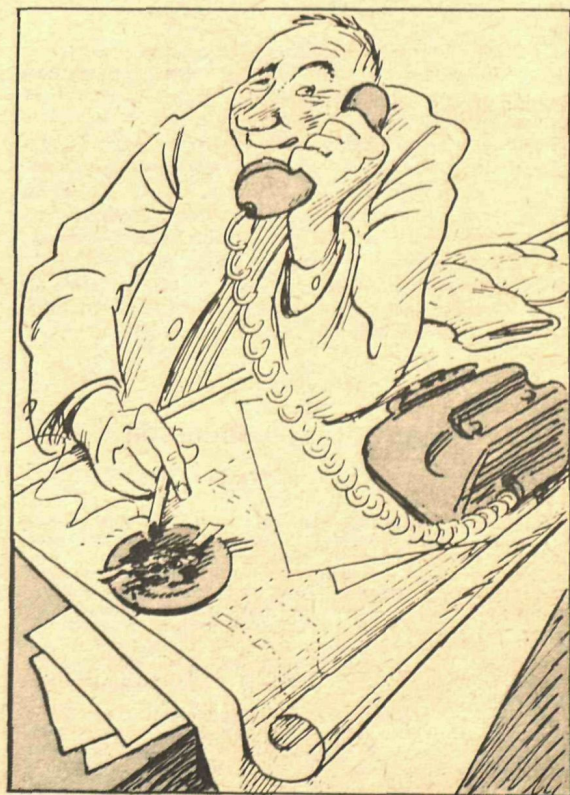
2 МАСТЕР: — Иван Иванович, бригада Петрова развернулась на стройке!

МИМОХОДОМ

Цыплят по осени считают, а списывают круглый год.

Первый блин комом, но кому-то же надо быть первым.

М. ЯКУШЕВ,
г. Воронеж.

3 ПРОРАБ: — Сергей Сергеевич, начали рыть котлованы!

Д.М. ИВАНОВ,
Вл. ТРИФОНОВ,
специальные корреспонденты
Крокодила

ПЬЯНКА ИМЕНИ КОЗОРОГ

Говорят, законченные алкаши и политуру пьют. Они ее Полиной Ивановной ласково величают. Понятно, прежде ее подвергают специальной обработке. Засовывают в бутылку тряпку и болтают до тех пор, пока часть шеллака к ней не пристанет. А с шеллаком пить брезгают. Знают, он у растений от укуса лаковой вши получается. Труд это занудный и даже изнурительный, а пойло, смеем заверить, выходит мерзейшее.

На Минском художественно-производственном комбинате, где «Полина Ивановна» идет на покраску гипсовых форм, порешили облегчить людям жизнь. Шеллак рабочим стали выдавать отдельно, а спирт отдельно. И не какой-нибудь, а тот славный продукт без цвета и запаха, который на блюдечке сгорает без остатка. (Помните, сначала вяжущий вкус во рту, потом сатанинское пламя растекается от солнечного сплетения к кончикам пальцев?)

Так приходит, бывало, форматор Корчмитович с чистым ведерком к начальнику скульптурного цеха Сусанне Ивановне Козорог, а она ему хлопьями туда пару баночек этого продукта. И тепло улыбнется вслед: ступай, дескать, милый, наемшивай в него поганый шеллак.

Теперь хотим спросить: как думаете, за какое время можно вылакать семьдесят два литра спирта?

Слабые духом и желудком ужаснутся. А кто с закалкой да со сноровочкой, скажет: «С душой взялся, так в два дня можно убрать. Праздник вопрос!»

Вопрос и верно праздный. И ревизор М. Л. Литасова не стала его задавать, обнаружив недостачу спирта более чем на тысячу рублей. Было ясно и так, что имела место затяжная пьянка.

Иным расхищение спирта, прошедшее совершенно безнаказанно, может представиться фактом малозначительным, и они погодят лететь в Минск устраиваться на работу. Но наше повествование только начинается...

ЖЕНЩИНА В МЕРТВЫЙ СЕЗОН

В Крыму зананчивался бархатный и начинался мертвый сезон, когда в Мисхор из Минска прибыла деятельная женщина, мастер монументального цеха Л. А. Рачинская. Ей надлежало удостовериться, действительно ли высокохудожественно расписали стенки санатория «Беларусь» комбинатские художники, и произвести расчеты за полученные ими краски.

Задача, конечно, ничтожная для деятельной женщины в мертвый сезон. И Рачинская решила ее усложнить.

Нежданно главный бухгалтер комбината Л. В. Козыревич получила из Крыма загадочный счет на 2654 рубля за всевозможные материалы, которые якобы понадобились для лучшего оформления кузины здоровья. Тут и двадцать тонн цемента, и сто пятьдесят метров стекла, и плиты ДВП, и плитусы, и рубероид...

ОБХСС не удалось отыскать на побережье ту дачку, которая была воздвигнута из ушедших

налево стройматериалов. А деньги, полученные за них, видимо, никак не могли помешать деятельной женщине и в мертвый сезон. Людмила Александровна, вам не вспоминается мясо с шампиньонами в горшочках, которое подают в «Ореанде»?

Въедливая бухгалтер Козыревич отказалась оплачивать липовый счет и докладной запиской уведомила об этом директора Худфонда БССР Ивана Ефремовича Добродеева.

Иван Ефремович, как бывший работник милиции, отлично разбирающийся в темных махинациях, остро и живо среагировал на сигнал и принял экстренные меры. Какие? Об этом чуть позже.

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ

Сначала директор Худфонда БССР, возвращающийся из туристского вояжа по Болгарии, делает внезапную остановку в Киеве.

«Обмен опытом с Худфондом УССР назревал давно, — много позже пояснит директор Добродеев. — Он был приурочен к моему возвращению из Болгарии, так как поезд следовал через Киев».

Что ж, вполне допустимо. Тем более что и в увеселительной зарубежной поездке Добродеев считался как бы на работе — за все дни ему исправно выписывалась зарплата.

Какой опыт передал Добродеев украинским коллегам и какого ума-разума набрался у них, мы не знаем. Скорее всего задушевная беседа там касалась эстампов. Во всяком случае, через месяц после возвращения Добродеева в Минск по общегосударственной дороге № 20 уже мчался в Киев автобус, груженный именно этой продукцией комбината.

Бойкая торговля белорусскими эстампами завязалась на ярмарке, организованной Худфондом УССР.

— Женщина, зачем вы идете мимо?! Гляньте на эту картинку, женщина! Где вы еще увидите такую ветчину и такую икру! Перед этим шедевром меркнет Снайдерс! — кликушествовал, наверно, тогдашний директор комбината, самолично привезший в Киев драгоценный груз. — Вы покупаете эту картинку, женщина, вешаете над софой и можете звать в гости знаменитого коллекционера Хаммера!

Сколько эстампов сбыл тогда киевлянам оборотистый директор и сколько на этой операции заработал он с присными, не скажет сейчас ни один Шерлок Холмс. Мы же хотим заметить, что одновременно в комбинате было незаконно списано багета больше чем на одиннадцать тысяч рублей, а у кладовщицы Марковой обнаружилась крупная недостача эстампной бумаги.

Главный бухгалтер Худфонда Н. Н. Ковалева забила в колокола громкого боя. И что же? Директор Добродеев опять принял экстренные меры. Какие? Об этом, как мы и договорились, чуть позже.

ПАРУС НАД МОГИЛОЙ

Она была чудо как хороша! Она стояла возле стены в мастерской на улице Пулихова, а он лас-

кал и ласкал ее стройное тело своими уже немолодыми, умелыми руками. Он то орудовал отточенной, как бритва, стамеской, то брал тончайшую шкурку.

— Как?.. Ваш комбинат берется и за такие заказы? — спросили авторы у сопровождающих лиц.

— Нет, — стесненно улыбувшись, ответили сопровождающие лица. — Эту яхту художник Красневский сооружает для себя.

Частная верфь в мастерской государственного комбината? Авторы тогда еще не знали, что в другой мастерской, на улице Артиллеристов, без нарядов и накладных делается кое-что из мрамора. Делается не первый день. А на скульптурном полигоне делается кое-что из цемента с мраморной крошкой. И опять же, заметьте, безо всякой лишней бюрократии. И опять же не первый год.

Впрочем, никаких загадок тут нет. Речь идет о надгробиях. Когда-то комбинат занимался, так сказать, чистым искусством. Его скульптурный цех увековечивал в бронзе, камне и гипсе героев, ученых, писателей, музыкантов. А погребальное дело было пущено на самотек. Это наносило заметный урон эстетике местных погостов.

Но не об эстетике пеклась начальник планового отдела комбината Н. Д. Русьянова, когда затеяла широкое производство надгробий. Прежде всего она выбила для своей приятельницы, некоей Н. Н. Андрончик, новую должность — мастера стола заказов.

Наметанным глазом Андрончик окидывала скорбящего пришельца и, если его финансовый статус чудился ей подходящим, затевала сердечный разговор. Андрончик убеждала сирого, что надгробие милой бабушке не следует заказывать в комбинате. Куда быстрее и лучше его изготовят на стороне. Так денежный заказчик сплавлялся к частно практикующим маэстро Яковенко, Кравченко или Шатернику, которые, не моргнув, сдирали с него тысячи рублей. Понятно, обеспечение ряда скульпторов частными заказами не было следствием саботажа Русьяновой или редкостного в наши дни альтруизма.

Поступали еще и так. В одной и той же форме отливали надгробия, поменяв лишь надпись. Конечно, без оформления через стол заказов. А щедрое списание сотен тонн мраморной крошки, цемента и камня легко санкционировалось Русьяновой и директором комбината.

Опять спросите про меры? Опять ответим: по-том...

ГРАНИТНАЯ «ЛИПА»

Большое дело требует больших затрат. Но отнюдь не предполагает большого воровства. И тем более кощунственного отношения к святыне.

В документе, подписанном начальником Управления ОБХСС МВД БССР С. Г. Сазанковым, сказано:

«Установлено восемнадцать случаев незаконной продажи блоков из полированного гранита (лабрадор), примененных при строительстве Брестского мемориала, частным лицам для установления памятников. По окончании строительства осталось тридцать четыре плиты с дефектами, которые по решению облисполкома реализованы частным лицам».

Кажется, яснее ясного. Продажу тридцати четырех плит следует считать законной, а за продажу восемнадцати плит виновного надо судить. Но существовал и другой документ, таинственным образом исчезнувший из комбинатского архива, где было четко зафиксировано, что на строительстве Брестского комплекса излишне было списано гораздо больше гранита — сто семь квадратных метров.

Бывший начальник скульптурного цеха А. Я. Власюк, вершивший тогда дела мемориала, говорит: — А все они разбились!

Объяснение хорошее. Логичное. Напрасливающееся само собой.

И все же Власюк лжет. Поручкой тому не только то, что глыбы лабрадора не елочные игрушки, их кувалдой не разобьешь, но еще невероятное количество «липы», обнаруженной в отчетах Власюка по Бресту.

Здесь и фиктивные наряды на работы, которые не выполнялись, и чудовищно завышенные расценки, и выдача зарплат на подставных лиц... Словом, целый букет преступных деяний.

Думаете, был суд? Нет! Хотя кое-какие меры в отношении кое-кого были приняты. Но об этом еще позже.

ПРОЦЕНТ ЗА УСЛУГУ

Вульгарным воровством пробаваются сейчас только тупицы.

Настоящий маньяк обогащения, паук-кровосос и Паганини преступлений промышляет иным манером. Он взимает проценты за услуги.

Паук останавливает художника в темном закоулке Худфонда или комбината и вкрадчиво говорит:

— Ну что, брат-художник, хочешь хороший заказ?

— Как не хотеть! — отвечает брат-художник. — А комиссия по распределению заказов? — Не твоя забота! — Снольно? — вздыхает брат-художник, уже согласившись на сделку. — Пятнадцать. — Десять, — пробует торговаться брат-художник. — Пятнадцать! — чеканит паук. — Или другому отдам!

Паук всегда побеждает. Художник всегда вздыхает и соглашается пятнадцать процентов своего гонорара отдать пауку. Но это не все. Когда художник приносит на худсовет эскиз будущего произведения, паук опять отлавливает его:

— Ну, брат-художник, как хочешь, чтобы расценили твою мазню? По вышке или по минимуму? Дальнейшее ясно. На этот раз художник соглашается отдать пауку ту сумму, которую по паучьей протекции дадут сверх установленного законом гонорара.

— Большая фантазия! — скажет некто. Больная, да не очень. Только за два прошлых года здесь в нарушение Положения Союза художников СССР было выдано авторского гонорара на восемьсот тысяч рублей больше, чем следовало.

Еще немного терпения, читатели! Авторам осталось вложить в это неприглядное мозаичное панно несколько важных осколков, и вам станет ясна вся картина. Тогда уместно будет поговорить о принятых и принимаемых мерах.

ПШЕНО ВМЕСТО БЮСТОВ

Транспортом Минский комбинат не богат. Художники, скульпторы, каменотесы и форматоры свидетельствуют, что нередко материалы со склада приходится таскать на собственном хребте. Согласитесь, странный вид человека, вскинувшего на холку гигантское изваяние Мичурина и движущегося с ним по проспекту.

Но как-то погожим днем заместитель директора комбината Б. Ф. Москалев, собиравшийся отправить дефицитный грузовик за смальтой, с изумлением обнаружил, что тот доверху набит мешками с сахаром, мукой и прочей незатейливой бакалеей. Застыгнувший врасплох, шофер сообразил, что исполняет волю главного механика Бокарева и уже не первый день возит грузы для Острошицкого сельпо. Не стал заперяться и второй шофер, которому была поручена «левая» перевозка мебели.

Москалев, уже четыре года тщетно пытавшийся навести порядок в комбинате, естественно, вспыл. И зря. Скоро он был приглашен к всемогущему И. Е. Добродееву, где ему было грубо сказано:

— Не вякай! То есть Добродеев предложил беспокойному Москалеву подать заявление об уходе по собственному желанию. Такого желания у Москалева не обнаружилось. Зато обнаружилось другое — желание бороться с Добродеевым и добродеевцами. И на собрании коммунистов комбината Москалев заявил:

— По поводу ряда вопросов, направленных на улучшение работы, мною было составлено два проекта приказов. Директор решил их прежде пропустить через согласование с теми, кого эти приказы затрагивают. Кому-то они так «понравились», что их зачитали, и сегодня никто не может сказать, где они. Но я могу разочаровать таких товарищей: эти приказы будут написаны снова и вступят в силу!

Этого не случилось. Москалев был уволен из комбината «вследствие несоответствия занимаемой должности».

Абсурдность обвинений, выдвинутых Добродеевым против Москалева, была столь очевидна, и все они так легко опровергались документами, что юрист отказался визировать этот шитый белыми нитками навет. Пришлось заменить увольнение строгим выговором. Но Добродеев тотчас дал указание своему заму А. А. Улащенко:

— Немедленно ищите другие веские основания!

Исполнительный зам постарался на славу. С октября 1979 года неудобный Москалев не работает в комбинате.

КРАЙНИЕ МЕРЫ

А теперь, уважаемый читатель, когда вам известно, какие меры были приняты директором Худфонда в связи с «левыми» рейсами, пора поведать, что стало с другими людьми, не пожелавшими идти на поводу у мазуриков. Как бы вам не подумалось, что случай с Москалевым единичен.

Многим честным людям в той или иной форме было сказано:

— Не вякай! После семнадцати лет работы в комбинате бы-

ла выжита старший мастер скульптурного цеха Г. С. Ходыно, дерзнувшая дать ревизорам и ОБХСС многие факты злостных финансовых нарушений.

Решительно не уживаются тут бухгалтерские работники. Стоило только главному бухгалтеру комбината Л. В. Козыревич подать директору Худфонда докладную с перечислением фактов вопиющей бесхозяйственности, позволяющей махинаторам незаконно списывать дорогостоящие материалы, как через месяц она лишилась работы.

Подобная участь постигла и старшего бухгалтера Гродненских художественно-производственных мастерских Н. Д. Шевцову, трижды лисьменно умолявшую Добродеева принять меры к устранению безобразий. Наивная женщина думала потрепсти Ивана Ефремовича такими мелочами, как присвоение пятисот рублей с помощью фиктивного наряда, как выплата жалованья гражданке Утенковой, оформленной нормирующей Гродненских мастерских, но проживающей в Одессе, как получение художником Огневым денег дважды за одну и ту же работу...

Если Добродеев и был потрясен, то только мелочностью своих бухгалтерских кадров. И Шевцовой пришлось освободить свой стул.

Много сложнее было выкинуть главного бухгалтера Худфонда Н. Н. Ковалева, к которой стеклись все нити из республиканских комбинатов и художественно-производственных мастерских. «Собственного желания» выудить у Ковалевой не удалось. А тут маячило персональное дело о злоупотреблении самого директора Худфонда БССР. Как тут не обезвредить главного бухгалтера?

Запаниковавший Добродеев срочно просит помощи у тогдашнего директора Худфонда СССР В. Н. Антонова. И получает спасительную телеграмму: «КОВАЛЕВУ ОТ РАБОТЫ ОТСТРАНИТЬ».

Более изощренным способом нашли управу на бывшего секретаря комбинатской парторганизации А. Н. Рожкову. Суть в том, что Антонина Николаевна и ее муж Вячеслав Зиновьевич много лет назад переехали из Палеха в Минск и продолжали на белорусской земле упоенно заниматься лаковой миниатюрой. Художники они замечательные. Многие страны с готовностью выкупают валюту за произведения Рожковых. Но едва Антонина Николаевна своими принципиальными выступлениями на собраниях стала не мила администрации комбината и Худфонда, как стала не мила здесь и удивительная живопись Рожковых. Вячеслава Зиновьевича уволили с комбината, а производство палехской миниатюры фактически прикрыли.

ПОЦЕЛУЙ В ДИАФРАГМУ

Это, знаете, старый прием, когда в фильме сто убийств, а заканчивается все крупным планом целующихся героев. Пусть, мол, зритель шагает домой в хорошем настроении.

Авторам тоже хотелось бы расстаться с читателем по-хорошему. Не все в жизни Худфонда БССР и Минского художественно-производственного комбината так мрачно и черно.

Вот, например, в мае 1977 года во Дворце искусств под звуки оркестра Минскому комбинату — победителю соцсоревнования было вручено Красное знамя!

Что ж из того, что победитель за последнее десятилетие списал на убытки больше двухсот тысяч рублей? Какое имеет значение, что за то же время зафиксировано финансовых нарушений тысяч на шестьсот — семьсот? Разве важно, что ради получения первого места пришлось пойти на бессовестный трюк: утаить выполнение работ на шестьдесят четыре тысячи рублей и приписать эту сумму к новому кварталу?

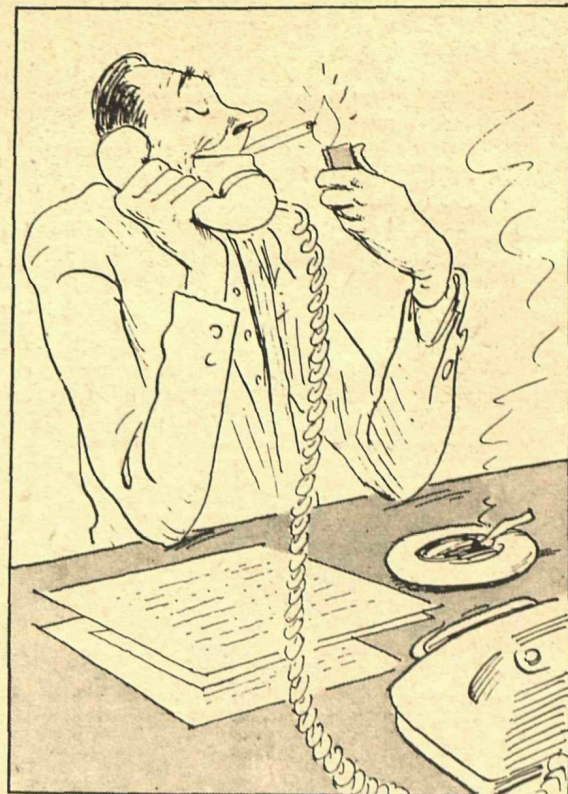
Главное — премия, которую получает победитель!

Вот вам и поцелуй в диафрагму...

Авторы обещали читателю дать адрес того теплого местечка, где в сжатые сроки можно подправить материальное положение. Авторы надеются, что читатель не обманут ими. Читатель, конечно, понял, что в обстановке полнейшего зажима критики одна безнаказанно прошедшая финансовая махинация сейчас же рождает другую, более крупную. И при изворотливом уме тут, как говорится, есть где погреть руки.

Одновременно советуем заинтересованным лицам не особенно тянуть с приобретением билетов в Минск. Ибо очень вероятно, что теперь-то по коридорам Худфонда БССР и Минского комбината пройдут наконец с каким-нибудь бреднем люди, облеченные доверием и властью, и отловят тех, кому так вольготно живется в этой мутной стихии.

г. Минск.

4 НАЧ. УЧАСТКА: — Аркадий Павлович, уже фундамент закладывают!

ВИЛЫ В БОК!

Любовь к географии!

Бабушка у Тани была сильна в умении вязать на спицах. Как ни странно, именно благодаря этому своему искусству бабушка вплотную столкнулась с романтикой открытия. Произшло это, когда, купив пару спиц производства винницкого завода «Терминал», она обратила внимание на упаковку. То была подвергнутая четвертованию географическая карта мира. Необычность упаковки вызыва-

ла двойную норму любопытства. И старушка упоенно погрузилась в интригующий мир параллелей и меридианов. С тех пор вязание и география стали для нее единым праздником среди будничной жизни.

Плодотворное влияние оказало новое бабушкино хобби на четвероклассницу Таню. Девочка теперь получает по географии круглые «пятёрки». И лишь одно обстоятельство удручает прилежную ученицу: нет у нее своего атласа. А посему обратимся к винницкому заводу от имени Тани со следующей просьбой: коль скоро он использует для упаковки своих изделий дефицитные учебные пособия, то пусть уж делает это не столь экономно.

В. ЛАВРЕЩИНА.

5 ГЛ. ИНЖЕНЕР: — Артур Львович, уже первый этаж возводят!

Одклики и РЕПЛИКИ

«ВСЕ НА ОТСТРЕЛ ГАЛОЧЕК» № 30, 1979 г.

Новый метод приема в члены ДОСААФ внедрен в Красноармейском сельском Совете Краснопереконского района Крымской области. Нужна кому-нибудь справка, допустим, о том, что у него в личном пользовании корова, огород или что-нибудь в этом духе. Пожалуйста, только надо уплатить членские взносы в ДОСААФ за десять лет вперед...

Об этом принудительном методе взимания членских взносов для добровольного общества говорилось в фельетоне-передачей «Все на отстрел галочек».

Как сообщил редакции заместитель председателя исполкома Краснопереконского районного Совета народных депутатов тов. В. Тополя, за нарушение порядка выдачи справок жителям района председателю исполкома Красноармейского сельского Совета тов. М. Полякову объявлен выговор.

«АВТОПОРТРЕТ В КОРИДОРЕ» № 23, 1979 г.

Известный всем в городе Касимове художник И. С. Тумаков временно оказался без мастерской. По предложению

горисполкома ему — временно, конечно, — нашли помещение для творческой работы в одной из комнат местного Дома пионеров. Но директор Дома А. Г. Еремеева всеми средствами стремилась отравить жизнь художнику. Об этом говорилось в фельетоне С. Бодрова «Автопортрет в коридоре».

Как сообщил заместитель председателя Рязанского облисполкома П. Тарарышкин, фельетон признан правильным. За грубое отношение к художнику И. Тумакову директору касимовского Дома пионеров А. Еремеевой объявлен выговор.

Для творческой работы художнику И. Тумакову касимовским горсоветом будет выделена необходимая площадь в первой половине 1980 года.

«ПУСТЯКОВЫЙ ВОПРОС» № 30, 1979 г.

Читатель нашего журнала Б. писал редакции: «В течение двух лет не могу достать в Москве такой простой вещи, как нитка-штопка. Ведь эти нитки крайне необходимы в каждой семье...» Это письмо приводилось в заметке «Пустяковый вопрос».

На заметку откликнулась заместитель начальника Главного управления торговли исполкома Московского городского Совета народных депутатов тов. М. Карзанова. Но что-то не очень утешителен ее отклик. «Спрос населения на штопку действительно не обеспечивается», —

пишет тов. М. Карзанова. Кто же в этом повинен? Оказывается, «заявки торговли удовлетворяются Ростекстильторгом Министерства торговли РСФСР в пределах 20—25 процентов» и на 1980 год «рыночные фонды не увеличены».

Весьма прискорбно. Но, может быть, теперь очередь за Ростекстильторгом? Пусть разъяснит читателям, как нынче решается «пустяковый вопрос» снабжения потребителей ниткой-штопкой, кто именно повинен в перебоях с их выпуском и как торгов собирается ликвидировать дефицит и в этой скромной области.

«ИСТИННАЯ ПРИЧИНА» № 30, 1979 г.

В заметке под таким заголовком разговор шел о бане в поселке Сандово, Калининской области. Вроде бы объект для критики и не самый значительный, но с точки зрения людей, желающих быть вымытыми и прибранными, достаточно важный. Так вот, в этой бане часты перебои со снабжением водой, оборудование плохо приспособлено для мытья, да и сами помещения давно не ремонтировались.

Как написал нам заместитель председателя исполкома Калининского областного Совета народных депутатов тов. В. Морев, в указанной бане произведен ремонт, оборудование обновлено. Словом, здесь обеспечены «нормальные условия для посетителей».

У МОИХ ПОДШЕФНЫХ

КОМУ

По дороге в редакцию мне представлялось страшное. Будто я, корреспондент «Крокодила», вернулся из командировки, а мне говорят: «С чем приехал?» «Как с чем, с фельетоном!» — отвечаю. «А бревно еловое, — спрашивают, — не привез?» «Бревно? — удивляюсь я. — Никак вы тут увлеклись резьбой по дереву?» «Да нет, — поясняют. — Наш подшефный комбинат с сырьем бедствует. Ну, Краснокамский целлюлозно-бумажный. Который для нас бумагу выпускает. Так что редколлегия постановила: фельетоны, рассказы и даже афоризмы, не подкрепленные балансом или в крайнем случае технологической щепой, впредь у авторов не принимать».

Всякая фантазия в какой-то мере отражает действительность. На исходе прошлого года в редакцию позвонил директор комбината Виктор Васильевич Круглов.

— Эх, жалко, что над нами шефствуете вы, сатирики, а не планирующие или снабженческие органы! — посетовал он. — Нам не утверждают фонды сырья на первый квартал. Чем черт не шутит, попробуйте закинуть удочку. Может, что и выйдет. Начните с Минбумпрома.

Ну, меня и двинули на сырьевой фронт. Являюсь в Минбумпром СССР. К Александрову Константину Васильевичу — заместителю начальника управления лесоснабжения. «Неужели нашему брату-сатирику вскоре придется искать не только героев фельетонов, но и древесину?» — с ужасом спрашиваю его. «Ваша судьба в руках «Пермьлеспрома», — отвечает Константин Васильевич. — Это объедение недодало Камскому комбинату по сплаву девяносто тысяч кубометров баланса. В аптечных дозах шлет оно сырье и по железной дороге. Что касается фондов на первый квартал, то во вторник у Титерина собирается весьма представительная публика. Из Госснаба, Минлеспрома, Минбумпрома. Будем, в частности, думать и о вашем подшефном».

Представительную публику я, конечно, опередил. И в понедельник нанес визит в Госплан СССР, в отдел лесной и целлюлозно-бумажной промышленности. К начальнику подотдела Титерину Александру Ивановичу.

— Говорят, все решается у вас. Уж не обидьте сатириков, сделайте одолжение, спустите фонды на первый квартал Камскому комбинату.

Попросил у него фондов так, словно у соседки подсолнечного масла. Александр Иванович глянул на меня жалючи, как на годовалого ребенка, который предпринял неудачную попытку пройти по комнате.

ПАРОДИСТОВ

Мих. РАСКАТОВ

Где ж ты,
мой сад?..

Падают яблоки радостно, яростно...
Падают яблоки... Так им положено.
Падают яблоки с каждого дерева...
Падают яблоки — жизнь продолжается.

Инна КАШЕЖЕВА

Падают яблоки с каждого дерева — сколько побито и сколько потеряно...
Падают сливы, и падают персики — видно, они провисели до пенсии.
Падают вниз абрикосы неснятые, тихо лежат, перезрелые, мятые...
Падают груши, печалью охвачены, местной хавронье на корм предназначены.
Падают яблоки, розы, ровненьки.
Что там Ньютоны — пришли бы садовники.
Это скисает, а то разбивается.
Фрукты кончаются — жизнь продолжается.

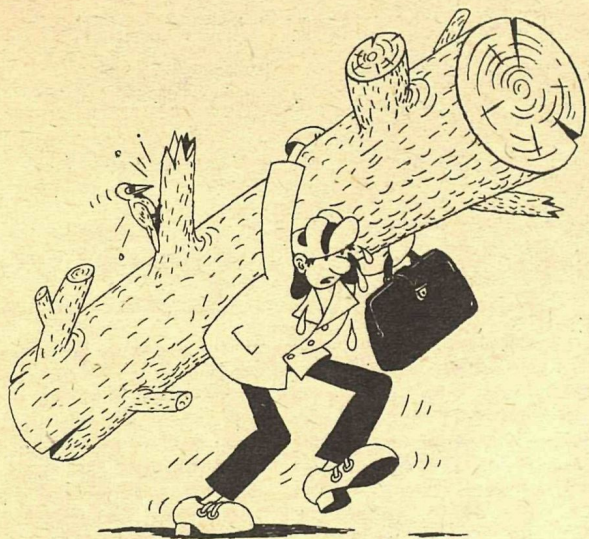
— У нас еще такого не было, чтобы лектор первый уснул!

Рисунок Б. САВКОВА

ПАРАД ПАРОДИСТОВ

БРЕВНА ТАСКАТЬ

— Во-первых, голубчик, мы планируем только в целом по отраслям. Остальное происходит в Госснабе, а конкретно в его главке — «Союзглавлесе». Минбумпром информирует его о потребности сырья по каждому предприятию в отдельности. С другой стороны, Минлеспром предоставляет ему свои ресурсы, то есть план вывоза леса из различных районов. После чего «Союзглавлес» прикрепляет конкретных потребителей к конкретным заготовителям. Во-вторых, молодой человек, фонды, а иными словами, добро на получение сырья, у комбината имеются. А вот ресурсов по этим фондам ему прикрепляли пока недо-

тов не менее уважительные болезни. Мы фельетоны-то пишем, говорю, обложившись медикаментами, а уж бревна таскать и вовсе не в силах.

— А не надо вам бревна таскать, — успокаивает меня Ирина Петровна. — Выход из камского тупика найден. Мы составили письмо в Минбумпром с просьбой уменьшить Камскому комбинату план по целлюлозе. Вот вам и решение сырьевой проблемы!

Надо сказать, меня такой выход не обрадовал. На моем столе лежало письмо директора Алатырской бумажной фабрики В. Чиркова. Мы ему послали жалобу нашего читателя на скверное качество обоев, выпускаемых фабрикой. Обои действительно дрянь, признает директор, но помните в виду, что брак мы гоним не от хорошей жизни, а из-за плохого обеспечения фабрики целлюлозой, которая используется для производства обоев. И как раз Камский комбинат задолжал фабрике более тысячи тонн целлюлозы.

Я, конечно, патриот своего сатирического цеха, но и обойное дело меня крайне волнует. Тем более что дефицита фельетонов, несмотря на трудности с бумагой, пока не предвидится, а дефицит обоев налицо. Думаю, что и тов. Муратовой об этом известно. И, наверное, ее долг находить более мудрые решения, чтобы по возможности никто не страдал. А урезать одно производство для процветания другого — это даже я смог бы. Хотя, как говорится, снабженческих университетов не кончал.

В среду звоню в Госплан. Вдруг представительная публика уже решила все проблемы. Нет, совещание перенесено ввиду неподготовленности вопроса на следующий четверг. В четверг оно тоже не состоялось. По такой же уважительной причине. В понедельник...

Так что же, так и останутся наши подшефные без сырья на первый квартал? Скорее от отчаяния звоню начальнику объединения «Пермьлеспром» Давиду Натановичу Липману. Хотя понимаю, с фондами он не поможет. Все имеющиеся ресурсы на будущий год он уже предъявил своему министерству — Минлеспрому, а тот, в свою очередь, «Союзглавлесу». Но поговорить с Давидом Натановичем было о чем. Скажем, о недопоставках Камскому комбинату по фондам семьдесят девятого года.

— Бить нас есть за что, — признал тов. Липман. — Но и про железную дорогу не забудьте. Даже при нашей худой работе они умудрились парализовать несколько леспромхозов. Ивакинский, например, склады которого из-за неоперативности железнодорожников уже не вмещают древесину. Крупнейшее в Перми деревообрабатывающее предприятие «Красный Октябрь» в ноябре получило по железной дороге только третью часть запланированной древесины. А, между прочим, камские бумажники связаны с ним одной веревочкой. Ибо все отходы от деревообработки идут на щелу, которая используется в том же бумажном производстве.

Честно говоря, охватила меня тоска. Ну, добьемся мы для наших подшефных, чем черт не

6 НАЧ. УПРАВЛЕНИЯ: — Семен Семенович, заканчивают последний этаж!

штутит, ресурсов на очередной год. А все равно лесники на пару с железной дорогой сорвут запланированные поставки. Придется нам таскать бревна.

— А как же со сплавом? Кто помешал вам выполнить поставки по реке? — полюбопытствовал я.

— Никто не помешал, — ответил Давид Натанович. — Сплавляли мы Камскому комбинату на двадцать пять тысяч кубометров больше плана.

Вот так пассаж! В Минбумпроме, как вы помните, мне говорили о большой недопоставке сплавной древесины. А тов. Липман утверждает, что здесь имеется даже перевыполнение. Кто же прав?

Еще звоню в Минбумпром. Мне разъясняют, что Давид Натанович, очевидно, исходит из плана, уменьшенного на пять процентов. И такая корректировка ведь действительно была...

А знаете, к какому в конце концов я пришел выводу? Лучше уж я буду таскать на себе бревна, чем подвизаться в снабженческой сфере! Шут с ними, с камнями в почках. Ничего с ними не делается. А вот на снабжении можно похуже болячку нажать.

7 УПР. ТРЕСТОМ: — Анатолий Яковлевич, начали перекрытие!

статочно. Правда, точной цифры я не знаю.

Точные цифры мне назвал заместитель министра целлюлозно-бумажной промышленности Владимир Алексеевич Чуйко. Почти по половине фондов, выделенных нашим подшефным на первый квартал, не были определены поставщики. Половина сырья значилась только на бумаге.

Вооружившись этим кричащим фактом, звоню в «Союзглавлес» — начальнику отдела лесоснабжения Ирине Петровне Муратовой. И с детской непосредственностью прошу ее оградить авторов «Крокодила» от самозаготовок. Лично у меня, говорю, камни в почках, у других корреспондентов

ПАРАД ПАРОДИСТОВ • ПАРАД ПАРОДИСТОВ • ПАРАД ПАРОДИСТОВ • ПАРАД ПАРОДИСТОВ

Алексей ПЬЯНОВ

Сам себе и кум и зять

В пространстве века растворилась
Моя крестьянская родня.
Анатолий ИВАНОВ

Как одиноко человеку...
Прохожий, пожалей меня!
Развевалась в пространствах
века

И прихватив с собой ухват,
Ушла невестка воровато,
Опохмеляясь, смотался сват.

Сорвался шурин, скрылась
тетща,
А под конец слинял и дед.

Моя крестьянская родня.
Я их зову — ответьте, где вы!
Увы, Вселенная глуха...
Сперва село покинул деверь,
Потом намылилась сноха.

И, на раздор семейный глядя,
К деревне потеряв любовь,
Подался на попутке дядя,
Сманив золовку и свекровь.

Так растворился род мой
древний.
Ну где мне родственников
взять!
Теперь один во всей деревне
Я сам себе и кум и зять.

Заколотив родную хату

Отчалил кум на кляче тощей,
Свояк — пешком за ним во-
след.

Выпускание строк

Я люблю свои пороки,
Я улычиво живу,
И трепещущие строки
Выпускаю в синеву.
Феликс ЧУЕВ

Настают однажды сроки
Душу настезь отворить...
Я люблю свои пороки,
Если честно говорить.

Карты презирал всегда я,
Впрок копейку не коплю,
Лунатизмом не страдаю,
Водку надух не терплю.

Этой страсти потакая,
Я улычиво живу.
Ежегодно выпускаю
По две книжки в синеву.

Но не думайте наивно,
Что стандартно я грешу.
Не приемлю героина,
Анашу — не выношу.

И, однако ж, я порочен.
Зря болтать — какой мне прок!
Выпускаю в рифму строчек —
Мой излюбленный порок.

И критическою бранью
Не изменишь ничего...
Скоро выпущу собрание
Выпускания моего.

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

КРОКОДИЛКИ

Рисунок В. СПЕЛЬНИКОВА,
г. Рязань

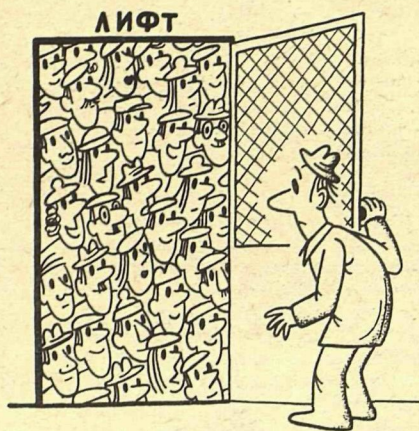

Рисунок В. ВЛАДОВА

Рисунок М. СЕДОВОЙ

А. МОРАЛЕВИЧ, специальный
корреспондент Крокодила

ЧП

О таких из ряда вон происшествиях пишут под заголовками «Расплата» или «Возмездие», набранными черно, крупно и строго.

Но о том, как все повернулось в Чимкенте, нам приличествовало бы писать, употребив заголовки «Расплата» или «Возмездие», и шрифт припустить здесь пляшущий, игривый, голубенький.

Каковы же будут наши главные персонажи?

Сабир Гарибзянов, 56 лет, женат, две замужние дочери, не работает, только-только освобожден условно-досрочно за весьма далеко зашедшую попытку изнасилования, а к теперешнему моменту осужден за убийство.

Владимир Изиков, зять Гарибзянова, 39 лет, двое детей, не работал, ныне убит своим тестем.

Остальные действующие лица, а также с удовольствием инертные лица, равно как и орудия убийства, предполагаемые и реальные: жители ул. Толстого, граждане судьи, капитан милиции Хамракулов, прокурор Григорьев, неизвестная женщина, мальчики, обрез, топор, хворостина для подпирания виноградных лоз.

Будем держаться фактов и только фактов.

Владимир Изиков остался сиротой в 1946 году. Употребив два отпуска без остатка, дядя его объездил все детские дома Южного Казахстана и по родимому пятну нашел мальчика.

Затем шофером работал Изиков, работал в экспедициях на буровых установках, так работал, что зарплата и в пятьсот рублей не была для него диковиной. А отсюда, конечно, прямой мостик к женильбе на девушке Алсу Гарибзяновой, двоим сыновьям, собственному дому и автомобилю «Москвич».

Тем не менее однажды, неожиданно вернувшись из экспедиции в город, буровик Изиков застал у домашнего очага вовсе не то, что положено заставить буровику, возвратившемуся к родимому очагу.

Именно с этого момента пошла под откос семейная жизнь бурового рабочего: развод, отъезд из Чимкента, женитьба на повидавшей виды перекисноводородноволосой буфетчице и никак не отраженное трудовой книжкой «завей горе веревочкой».

Но как свидетельские показания, так и весь ход событий говорят об одном: Изиков очень любил своих сыновей и свою первую жену Алсу. А отсюда возникли развод с философски отнесшейся к этому факту буфетчицей, возвращение в Чимкент, клятва, принесенная дядьям, — начать прежнюю трудовую жизнь, вступление в брак 9 мая 1979 года с первой женой Алсу. А 24 мая Изиков был зверски убит ее отцом в доме отца.

Итак, факты и только факты.

Тихо и гладко прошли вечер и ночь перед убийством. Квартирантка Гарибзянова Л. Уличенко и его же постоляльцы братья Анаркуловы говорят о мирных беседах, которые вели тесть и зять. После чего тесть лег почивать, а зять побродил по двору и устроился спать в автомобиле «Москвич».

Утром были те же тишь и гладь. В 7.45 подросток Женя Шевченко, выходя со своего двора в школу, среди соседнего двора увидел С. Гарибзянова, беседующего с какой-то женщиной.

Квартиранты братья Анаркуловы, уходя на работу, видели хозяина, который чаевничал на веранде. Изиков сидел визави на перилах, курил, и такие были услышаны слова от него:

— Не было мне счастья под этой крышей, да, видеть, и не будет.

Затем пришли к Изикову двое знакомых, Сарымсаков и Сидоров, попросили подвезти их в центр города. И как раз возле машины проходил старик сосед Климищенко, которого Изиков, отличавшийся известной приветливостью, спросил:

— Вы, дедушка, в какие края?

— В больницу.

— Так зачем же пешком? Подвезу!

И подвез и спросил:

— Может, я подожду, отвезу обратно?

— Э, спасибо, — сказал старик. — Твое дело молодое, газуй.

И поехал дальше В. Изиков, ссадил у магазина Сарымсакова с Сидоровым, где купили они вино и консервы из океанической рыбы.

— Собирается ливень, — определил Сарымсаков, чувствительный на погоду.

— Ты этим хочешь сказать, что в сквере пить будет простудно, — с полуслова понял наперсника Сидоров. — Так вернемся в дом Гарибзянова!

И пошли. И туда же, но к соседнему дому, возвращался из школы подросток Женя Шевченко, у которого в школе отменили уроки. И вообще улица Толстого — шло к полудню — становилась вполне оживленной. Сарымсаков и Сидоров вошли во двор

дома 221, но здесь их встретила женщина, та самая, которую в 7.45 видел мальчик.

— Катитесь отсюда! — приказала женщина и весьма энергично выставила со двора собутыльников.

— Видишь, что получается? — развел рыбными консервами Сидоров. — Нас туряют. Пойдем.

В этом месте мы зададимся вопросом: почему во дворе женатого Гарибзянова РАСПОРЯЖАЕТСЯ (это очень важно) какая-то женщина? Где жена его и где дочери?

А жена, сообщим, только что освобожденного за попытку изнасилования С. Гарибзянова свежее осуждена на длительный срок за махинации с лекарствами, и дочери поехали попроведать маму в тюрьме. Отсюда и возникновение при Гарибзянове и. о. хозяйки.

Своеобразная, прямо скажем, семья.

Вот в это время, отмеченное множеством свидетелей, подкатил к воротам «Москвич» Изикова. Изиков загнал машину во двор. И быстротечно прозвучал женский крик:

— Саша, не надо! Не надо!

Это кричала Сабиру Гарибзянову, называя его русским именным эквивалентом, та самая женщина, что распорядилась здесь час назад. Та женщина, которую неделю спустя С. Гарибзянов будет называть на следствии совершенно посторонней гражданкой: зашла спросить, не сдастся ли комната, да тут же ушла. Кто такая — не имею понятия.

Далее, наблюденные с разных точек, во дворе дома 221 развернулись такие события: С. Гарибзянов, крича: «Пошел отсюда!» — подталкивал, одновременно поддерживая, к воротам В. Изикова. Молодой, полный сил мужчина В. Изиков, только что вошедший машиной, легкой походкой во двор, вел себя удивительным образом: ноги его вихляли, все движения он производил как бы сослепу. За воротами, едва тесть отступил от зятя, Изиков рухнул.

К этому времени ливень уже набрал силу, и уже было крикнуто под этим ливнем на улице Толстого: — Гарибзянов Володю Изикова убил!!

Улица сбегалась по лужам к лежащему.

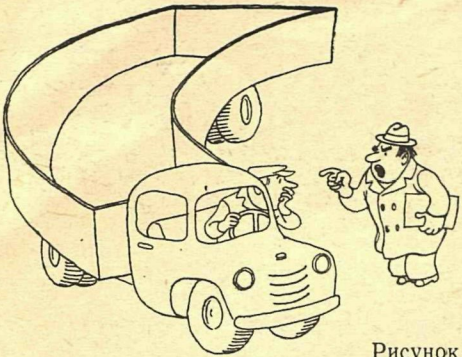
Но первой возле него оказалась вышедшая из ворот Гарибзянова та самая женщина, присела возле, быстро-быстро начала плескать в лицо лежащего водою из лужи.

Вторым, кто добежал, был сын старика Климищенко, Виктор, шофер. Ему очень не приглянулось то, что делает женщина. («Я ее видел и прежде у Гарибзянова. Увидел бы — узнал») Он оттолкнул женщину от лежащего, потом и ударил, и она скрылась во дворе Гарибзянова. Климищенко перевернул тело на бок. Лицо Изикова было размозжено. Из рта вылилась кровь.

— Я пойду, — сказал Климищенко. — «Скорую» вызову, милицию.

«Скорая» приехала через сорок минут. Милиция вообще не приехала.

Не приехала милиция и ночью, по звонку из боль-

— Опять левый рейс?

Рисунок Е. ГУРОВА

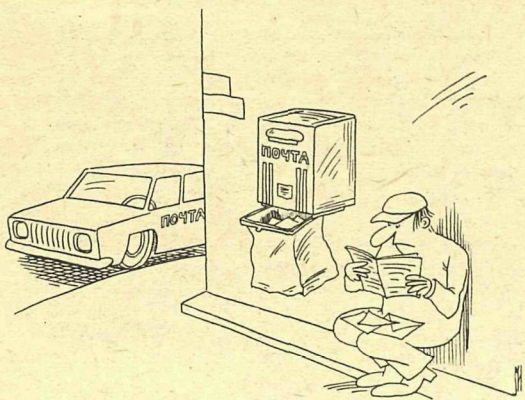

Рисунок Е. МИЛУТКИ

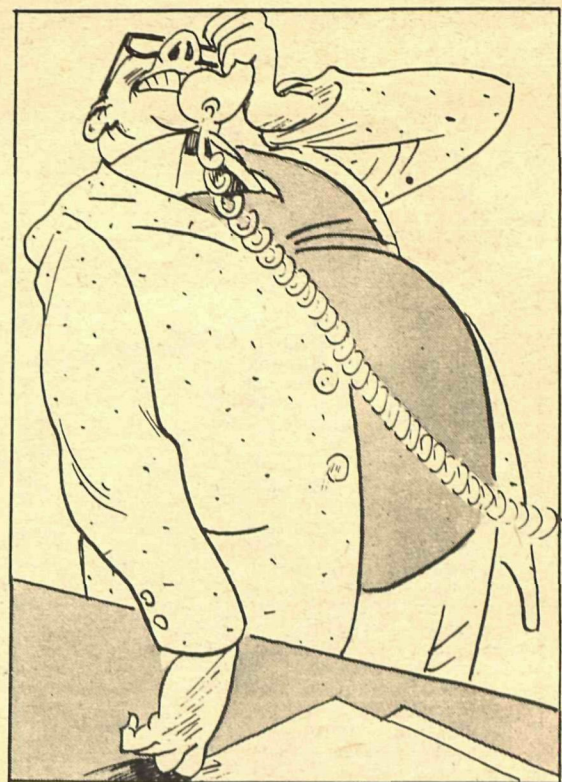

Кто воскликнул первым: «Берегите мужчин!»? Какой мощью должны обладать эти слова, чтобы отозваться эхом в наши дни! Вот и героиня кинокомедии «Суета сует» (сценарий Э. Брагинского, режиссер А. Сурикова) полагает: «Мужчины теперь редкость. Их надо беречь». Правда, бережет она чужого супруга, зато делает это очень добросовестно. Отчего же Борюсе (актер Ф. Мкртчян) не дышится привольно под покровом, где исполняются его прихоти?

Присмотримся теперь к «прежней жене бывшего мужа», Марине Петровне (артистка Г. Польских). С каждодневным радушием встречает она в загсе отряды женихов и невест, но в согласии со своим педантизмом призывает: «Сойдите с ковра, пожалуйста! Вас много, а ковер один...». Велико же было ее смятение, когда Борис ушел к другой женщине «по великой любви», приключившейся с ним неожиданно. Более всего ее мучил вопрос: почему? Как выяснилось, потому, что она, Марина Петровна, «без заскоков».

Другое дело — Лизок (антриса А. Варпаховская). У той несомненный заскок на почве экзотических блюд и причесок. Да и Борюсю она любит за экзотическую внешность. А Марина Петровна? Любит ли она мужа за что-либо? Над этим вопросом ей некогда думать.

Временная разлука помогла супругам «со стажем» воспринять друг друга иначе и лучше. Не случайно однажды блудный муж, получив на завтрак диковинную птицу, вдруг затосковал по былым котлетам. Впрочем, затосковал он не совсем «вдруг» и не совсем по котлетам...

8 НАЧ. ГЛАВКА: — Иван Федорович, закругляемся с отделкой!

Николай ЭНТЕЛИС

Папина профессия

— Кто твой папа!
 — Мой папа учитель.
 — Ну, а твой кто!
 — Мой папа строитель.
 — Значит, может построить он дом!
 — Нет, по-моему, дело не в том.
 Он не строит высокого дома,
 Он стоит у дверей гастронома.
 Если двое встречаются с ним,
 Он всегда предлагает:
 «Строим!»
 И когда его мчат в вытрезвитель,
 Наша бабушка шепчет:
 «Строитель»...

9 ЗАМ. МИНИСТРА: — Поздравляю, встречайте приемную комиссию!

ницы, где Изиков, не приходя ни на секунду в сознание, скончался от страшных ранений.

После этого почти трое суток убийца гонял чай на веранде, разрабатывая версии, заметал нелепо следы, подговаривал соседей и угрожал им, кобель начал говорить, что видели! Гарибзянов убит 24 мая. Ордер на его арест прокурор Энбекшинского района гор. Чимкента Григорьев удосуужился выписать только 29 мая!

* * *

Несколько следователей, поковырявшись маленько в деле, как гурманы в третьеводнишнем гуляше, отошли от него — и тогда к делу подступил капитан Хамракулов. И у него встал первым делом вопрос: чем убит Изиков?

— Это так, — сказал Сабир Гарибзянов. — Он пошел на меня с ножом, я его палкой для подпирания винограда — шарах по руке! Ножик выпал, я ножик в карман. Поднимаю глаза — а Изикова уже нету, он лежит за воротами, и вокруг его головы — железы. Об них он упал.

Но, как единодушно сказали свидетели, и в помине не было никаких желез за воротами. И как заверил вызванный следователем нейрохирург, ни при каком падении нельзя получить таких чудовищных ранений в область лица. Но с такими ранениями, полученными, например, на веранде, поддерживаемый и направляемый, но уже не осознающий вокруг ничего человек может несколько шагов пройти до ворот. (Как и было фактически.)

И пришел черед виноградной подпорки, орудия убийства. Прежде всего, измерив палку, установил капитан длину: 3 метра 25 сантиметров. На одном конце палки — рогулька. За рогулькой толщина этой палки — с мизинец, противоположный конец — толщиной в 5 сантиметров. Никогда такой хворостинкой не убить человека, тем паче, как сразу установил капитан, по длине палка даже не вписывается в размеры двора. Так что где уж ею здесь размахнуться.

Тут вник капитан в документ опытного судебного эксперта Амиреева, который, как то водится, освидетельствовал труп «при ясной погоде и естественном освещении». Там значилось: «На лбу рана дугообразной формы. В глубине раны виден участок вдавления лобной кости».

И сразу множество неопровержимых, исчерпывающих, скрупулезных показаний обрушилось в дело.

— Я услышала, — сказала Е. Ф. Балобанова, — когда Изиков уже лежал за воротами и там люди толпой, кто-то рубит топором мой забор со стороны Гарибзянова, и одна доска уже отвалилась. Поглядела — там стоит с топором Сабир, рядом женщина, через пролом хотят они скрыться задомы. Я закричала, и они отошли к веранде. Там Сабир стал совать обрез женщине в руки, а она отшатнулась: нет, нет! Эта женщина не раз тут бывала, ею дочери Гарибзянова возмущались. Я сказала потом Алсу: это что ж твой папаша отнекивается, что не

знает приубийственную женщину? Мне ответила она: «Вон чего! Тогда будет статья тяжелей, тогда будет групповое убийство!»

Так и всплыли два реальных предмета, единственно могущих оставить в области лица рану «дугообразной формы» со «вдавнением лобной кости» — приклад обреза и обух топора.

И точнейшим образом изъяснилась В. Климиченко: — Гарибзянов всовывал женщине в руки сверток, а она сторонилась: нет, нет! И метнулась со двора на Сайрамскую улицу, а старик тот сверток — в сторонку. Тут ко мне подбегает Шевченко Женя, вцепился: «Тетя Вера, захватить надо сверток, в нем обреза!» Но Сабир на улицу выглянул, там милиции, «Скорой» нету, тогда взял сверток под мышку и пошел вслед за женщиной на Сайрамскую.

В дополнение Женя Шевченко, тринадцатилетний мальчик, и на допросах и на очных ставках с убийцей в глаза ему говорил:

— Дядя Сабир, вы были с обрезом.
 — Да ты знаешь ли, мальчик, что такое обреза? — иронически вопрошало следствие.

— Обреза, — отвечал подросток, — это нарезное или гладкоствольное оружие с обрезанным стволом, а иногда и приклад укорочен. Я видел и приклад и ствол, дядя Сабир.

Затем подросток Келибаев Асап, 1964 года рождения, наблюдавший все один и с другого места, на очной ставке сказал:

— У тебя был под мышкой обреза, дядя Сабир. Приклад мне был ясно виден. Ты совал обреза женщине, а она отказалась.

— Вот, Гарибзянов, — сказал следователь Хамракулов. — Когда уходил со двора, был у тебя сверток под мышкой?

— Был, — согласился убийца. — Плащ у меня был свернутый, прихватил на случай дождя.

Что тут просилось бы по здравому смыслу? Просилось бы, для спокойствия набрав побольше воздуха в легкие, спросить убийцу:

— Гарибзянов, разве это не странно? Идет ливень, и, нося плащ в виде свертка под мышкой, вы такой выбираете способ спасения от него?

Но как-то не спросилось об этом на следствии, и хотя бы для смеху не спросилось: а палку, Гарибзянов, за какой конец при ударе держали вы палку, что она не обломилась под собственным только весом?

На том исчерпалось следствие, но всю канву его, состоящую из вопиющих провалов, нестыковок и смехотворностей, прокуратура признала достаточной от и до. Да чего тут сусолить, когда столько дел в производстве! И, не ударив пальцем о палец, не озадачившись в документах ничем, прокуратура направила дело в суд. Здесь хотя бы суду возмутиться и для нового расследования направить все дело, но не возмутился и суд, без колебаний и промедлений дело заслушав.

Вот какое произошло ЧП.

В Центральном Доме журналиста состоялась персональная выставка видных эстонских художников - карикатуристов Хуго Хийбуса и Эдгара Вальтера.

Традиции политической карикатуры Эстонии имеют уже почти вековую давность. Ныне карикатура стала достоянием всего народа. Ежегодные традиционные выставки в Таллине привлекают десятки тысяч любителей веселого жанра. Постоянно открыта экспозиция юмористического рисунка эстонских мастеров в «Музее юмора» рыболовецкого колхоза имени С. М. Кирова под Таллином. Успехом пользовались выставки эстонской карикатуры в Одессе и Львове.

Хуго Хийбус и Эдгар Вальтер известны и как графики и как иллюстраторы книг: выпустили на суд любителей юмора уже не одну забавную книгу карикатур. Они частые участники национальных, союзных и международных выставок карикатур, удостоены премий и дипломов.

На открытии выставки эстонских карикатуристов было отмечено, что их творческий отчет перед московскими коллегами вполне удался и что выставка в ЦДЖИ станет хорошим началом творческих контактов эстонских карикатуристов с московскими коллегами.

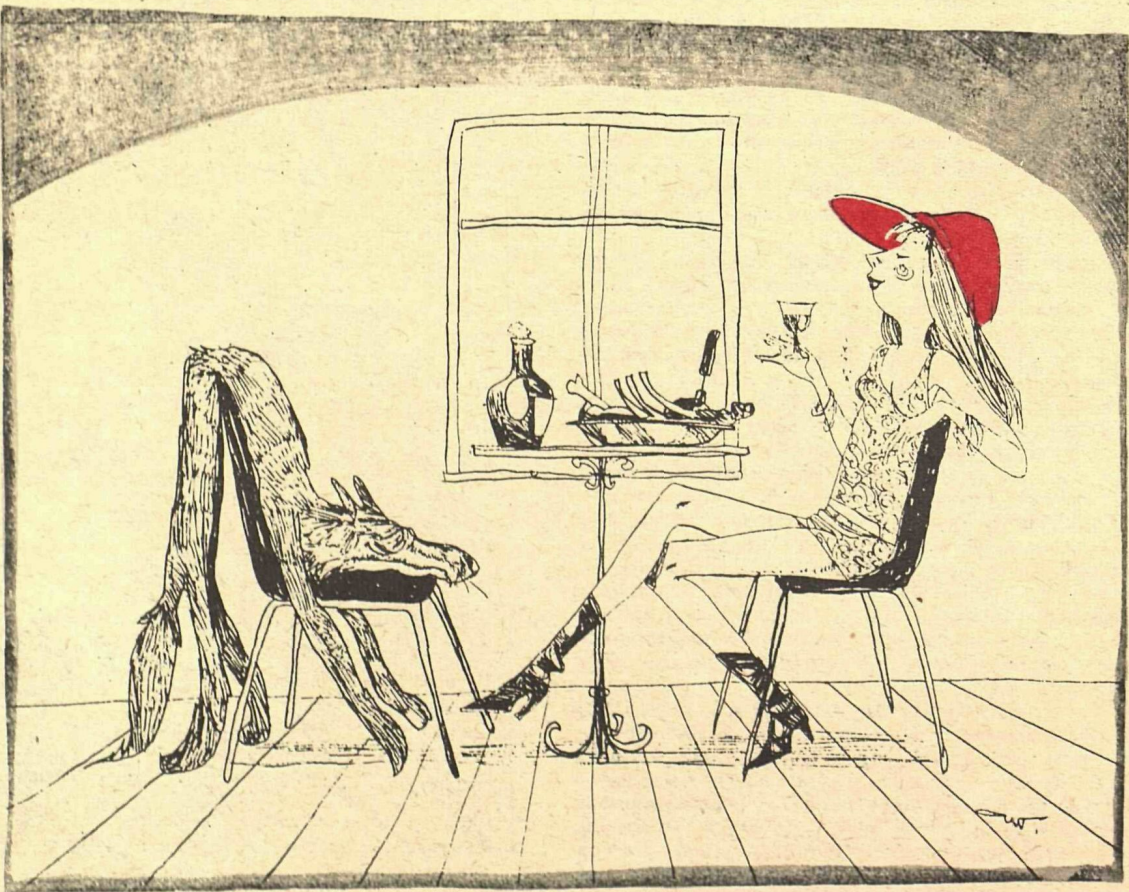
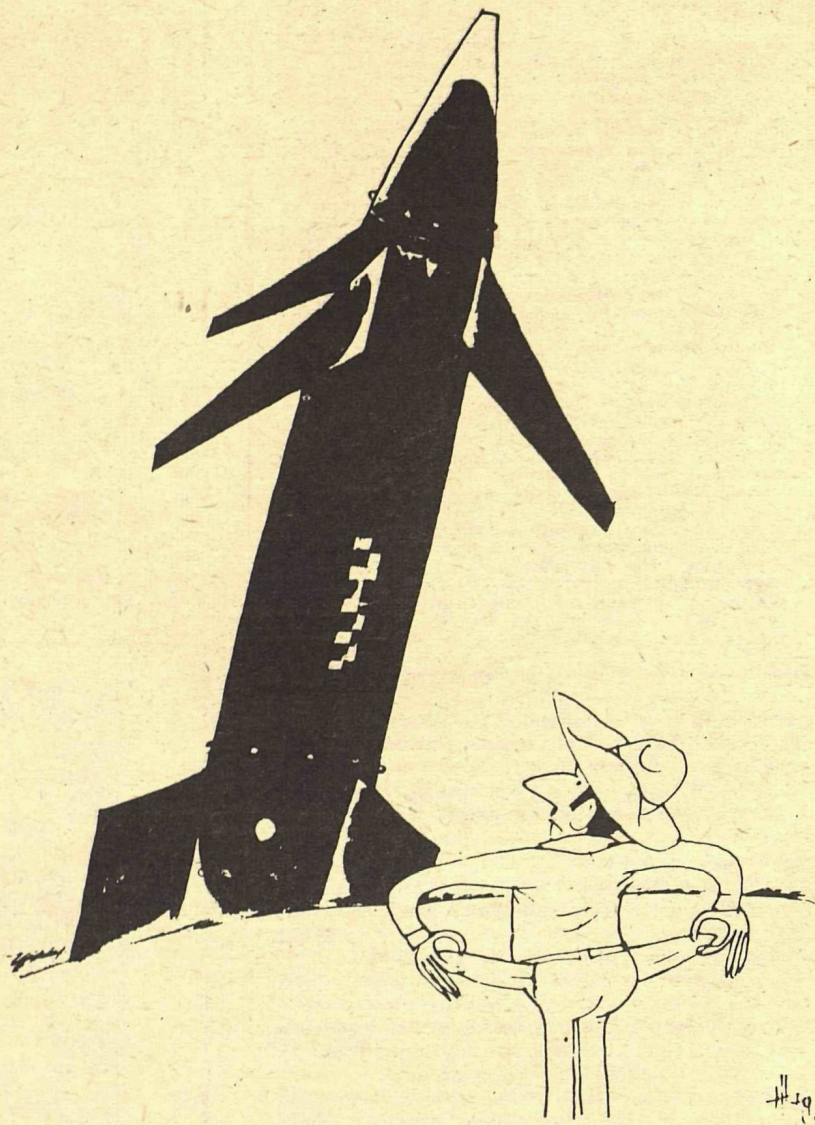

Рисунок Эдгара ВАЛЬТЕРА

ШИКАРНЫЙ

Один молодой и талантливый театральный актер Саша Спичкин надумал построить себе шикарный выходной костюм.

Затея прекрасная, но... что, однако, считать шиком?

Саша побывал во многих магазинах города и наконец наскочил на то, что искал. Это был довольно дорогой импортный материал необыкновенного цвета: синевато-сероватый, а присмотреться — темно-голубой, с какой-то этакой искоркой. Цвет «наваринского дыма с пламенем», как сказано у Гоголя, у Николая Васильевича.

В ателье знакомый закройщик (Саша снабжал его контрамарками в свой театр) соорудил ему дивный костюмчик самого модного силуэта. Картинка! Теперь оставалось только обмыть обнову, и Саша в первый же праздничный выходной день пригласил в ресторан пообедать подружку по театру, к которой был неравнодушен — вполне прелестную Симочку Котович.

В ресторан Саша пришел загодя, чтобы заранее сделать заказ и тут встретить Симочку.

Когда наш фронт вошел в зал ресторана и стал искать глазами свободный столик, он оторопел: официанты здесь были одеты не в обычные черные костюмы, а — новация! — в пиджаки и брюки, пошитые из того же материала, как и Сашин костюм, того же цвета «наваринского дыма с пламенем», а официантки, наверное, для цветового контраста — в изящные красные жакетки!

Саша подумал: «Почудилось!» — закрыл глаза и тут же снова их открыл! Нет, увы, не почудилось!

Кое-как он пробрался к свободному столику, сел, стал изучать меню. Не прошло и пяти минут, как его окликнули. За соседним столом шумно «отдыхала» компания молодых людей — сверстников Саши по возрасту.

— Эй, приятель, чем так сидеть, пошел бы лучше на кухню да сказал бы своему товарищу, его, кажется, Васей зовут, чтобы скорее тащил нам наши цыплячьи «табаки». Час ждем!

Саша покраснел и огрызнулся: — Я такой же официант, как ты — цыпленок табака.

И тут Саша понял, что «отдохнуть» ему в этом ресторане не придется.

— Позвоню Симе по телефону, возможно, она еще дома, — решил Саша, — или встречу на улице и поведу ее в какое-нибудь другое место.

Лавируя между столиками и отмахиваясь от хватавших его за рукава и полы нового пиджака людей, трагически взывавших: «Официант, подойдите же наконец к нам!» — Саша выбрался все-таки, как говорят моряки, «на чистую воду».

— Где тут у них телефон? — он обратился с этим вопросом к официантке, стоявшей к нему спиной, она обернулась и — о, боже! — оказалась Симочкой Котович!

Наверное, с минуту, если не больше, длилась тяжелая пауза.

И вдруг перед ними возник официант — «наваринец», бледный, всклокоченный, с мученическими глазами участника марафонской ходьбы, не доковылявшего до финиша. Взглянул мельком на Сашу, спросил нервно:

Костюм!

— Ты что, в первый раз?
— В первый! — сказал Саша. — И, кажется, в последний.

— Там будет видно. Почему без салфетки? Увидит Жан Степаныч, будет тебе на орехи!.. На, возьми пока мою, у меня на кухне есть запасная.

— Тебя не Васей зовут?

— Васей. А что?

— Там компания одна тобой интересовалась... в смысле цыпят табака.

— Ничего, подождут! Видишь, что у нас сегодня делается? Гостей тьма, кухня зашивается, мы все с ног сбились. Дуй в тот край, помоги Петьке — чернявенький такой, скажи, Вася прислал.

Он сунул Саше Спичкину в руки свою салфетку, намереваясь исчезнуть, но тут неожиданно вступила в действие Симочка Котович.

— Послушайте... Васенька, я тоже новенькая...

Где тут у вас можно передничек взять?

— Ступай на кухню, спроси Лизу Степашкину, скажи, Вася велел, Живо давай!..

Вася исчез так же мгновенно, как и появился.

— Симка, ты что... спятила? — сказал Саша Спичкин.

— Пока нет! Слушай, давай сыграем импровизацию! Я официантка, ты официант... Я буду играть вдумчивую... халду-неудачницу. В личной жизни у нее не ладится, любимый человек ушел, все валится из рук. Хочется плакать, а тут... грубая проза жизни. «Принесите, девушка, мне еще сто граммчиков!»

— Боже упаси! — мгновенно загораясь, вскричал Саша Спичкин. — Не надо халды-неудачницы, это банально! Играй нашу расторопную, разбитную хохотушку, и... да здравствует комедия! Признаемся потом, что мы актеры, простят!

Их действительно простили. Директор ресторана оказался человеком с юмором и к тому же любителем театра, да и выручка была ими сдана в кассу копейка в копейку.

...На улице Саша заметил, что Симочка стала еще прелестней, она вся сияла от неостывшего возбуждения.

— Ну, как дела, Сашок? — улыбаясь, спросила она Сашу. — Почему у тебя такой кислый вид? Неужели провалился?!

— Еще как! Знаешь... не для меня эта гордая профессия. Три тарелки разбил и залил новые костюмные брюки каким-то жирным соусом... Придется новый костюмчик добывать... Такой... нейтральных тонов. А у тебя как прошло?

— Колоссальный успех, честное слово! Я такого на сцене еще не имела. Таких комплиментов наслушалась — ужас! Мне даже свидание назначил один солидный дядька... Такая умора!.. Чаевых надавали! Я за час заработала больше, чем за три дня работы в театре. Вот только есть очень хочется, хоть и побывала в ресторане! — Она сунула руку в карман шубки и позвела там серебряными монетами разного достоинства, вплоть до рубля.

— Пойдем, Сашуня, в театр, наверное, буфетчица уже там, возьмем бутербродиков, кофею попьем, пойдем, Саша, я угощаю!..

10

Рисунки А. КРЫЛОВА

Снажем прямо: у «Кронодила» весьма обширные творческие связи и знакомства. Но не часто удается повидать всех знакомых сразу. А на этот раз, можно сказать, удалось.

Во-первых, на экране появились хорошо знакомые нам по страницам «Кронодила» и «Литературной газеты» имена писателей-юмористов: Л. Зорина, В. Панкова, А. Курляндского, Ю. Воловича, С. Каминского, Н. Елина, В. Кашаева, Л. Осадчука, И. Филенкова и других.

Во-вторых, на экране появились хорошо знакомые нам по фильмам артисты: В. Тихонова, Р. Быкова, В. Этуша, В. Басова, Л. Куралева, С. Морозова, А. Демьяненко, В. Талызиной, В. Титовой, Р. Ткачука и других.

В-третьих, нам неплохо знакомы имена авторов сценария В. Веселовского и А. Инина.

А вот с режиссерами М. Гениным и Н. Ковальским мы познакомились впервые. Тем более, что это и их дебют на большом экране.

И снова снажем прямо: как встреча со старыми знакомыми, так и знакомство с новыми были приятны. За что и хочется выразить благодарность Одесской киностудии, собравшей всех вышеперечисленных товарищей под своими парусами, в новой цветной и веселой кинокомедии «ПО УЛИЦАМ КОМОД ВОДИЛИ».

В издательстве «Плакат» вышел в свет альбом плакатов-памфлетов народного художника РСФСР Александра Житомирского «Нет — колонизаторам и поджигателям войны». Стихи и рисунки написаны поэтом-сатириком Сергеем Смирновым.

НЕТ —

КОЛОНИЗАТОРАМ И ПОДЖИГАТЕЛЯМ ВОЙНЫ!

ПЛАКАТЫ-ПАМФЛЕТЫ
народного художника РСФСР
АЛЕКСАНДРА ЖИТОМИРСКОГО

Стихи СЕРГЕЯ СМИРНОВА

Когда уборка не помогает

Как привлечь к себе внимание общественности? Ну, хотя бы на один денечек? Тем более, если речь идет не об одном молодом человеке, а сразу о ста тысячах?..

Горазды на выдумку молодые люди Неаполя решили кое-что предпринять. Триста пятьдесят добровольцев из упомянутых ста тысяч, вооружившись щетками и стиральным порошком, явились на площадь перед бывшим королевским дворцом и принялись... отмывать многочисленные фонтаны! Гремели

аплодисменты зрительской толпы. Добровольцы распевали неаполитанские песни. И надеялись: а вдруг их сизифов труд заставит городские власти вспомнить о ста тысячах безработных юношей и девушек, из которых половина еще ни разу в жизни не получила зарплату...

Надежды остались тщетными. Уже на второй день после необычной генеральной уборки о молодых безработных никто не вспомнил, и они заняли полагающиеся им места в очереди перед биржами труда.

Вместо некролога

Умер апартеид. Он родился в Южно-Африканской Республике и прожил там долую, не всегда счастливую жизнь. Покойный был хорошо известен миру. О нем много говорили на заседаниях ООН, нередко упоминали с авторитетных правительственных трибун. Картинками из жизни усопшего пестрели обложки солидных журналов и страницы газет. Имя покойного надолго останется в памяти чернокожих южноафриканцев.

О том, что апартеид скончался, мы узнали не от кого-нибудь, а от самого премьер-министра республики Питера Боты. В интервью американскому журналу «Тайм», он заявил прямо: — В парламенте меня спросили, каково мое отношение как премьер-минист-

ра к слову «апартеид». Я предпочитаю использовать гермин «добрососедство». АПАРТЕИД В ТОМ ВИДЕ, В КАКОМ НАШИ ВРАГИ РИСУЮТ ЕГО ВСЕМУ МИРУ, УМЕР. Я позабочусь о том, чтобы нашим врагам не удалось создать впечатление, будто мы представляем собой банду расистов. Мы готовы предоставить неграм право жить своими общинами. Но мы против смешанных общин. И от этого мы не намерены отступить.

Итак, прощай апартеид, здравствуй «добрососедство»...

Но почему-то соседу с молочного цвета кожей позволено в ЮАР стать премьер-министром, а для другого соседа, если уж очень повезет, верх карьеры — подавать салфетки в правитель-

ственных туалетах. Один «добрый» сосед может жить в ЮАР, где ему за благорассудится, а другой «добрый» сосед — в строго определенной утлой хибаре где-нибудь на задворках бантустана. Черный сосед не имеет права переступить, даже поступившись, порог дома белого человека, белый же может ворваться в дом черного без стука, но зато с собаками.

Базируясь на этих фактах, некоторые несправимые критиканы и скептики утверждают, что хитрый расист Бота — просто отъявленный лжец и что вовсе не апартеид приказал долго жить, а Бота приказал называть апартеид иначе.

Ах, ну что поделаешь, если даже на похоронах всегда найдется невежа, готовый бросить колючку в гроб усопшего...

Театральная рецензия

ПАНТОМИМА «ЖИВЫЕ СКЕЛЕТЫ»

Необычайный спектакль состоялся на улицах Лондона. Три тысячи актеров театра и кино, оперных певцов, танцовщиков и балерин прошествовали в гриме и в костюмах «живых скелетов» по улицам британской столицы.

Автор пантомимы — мисс Нужда. Сюжет волнует, хотя не блещет новизной и интригой: злодей — министр финансов (он действует из-за кулис) сократил и без того скромные государственные пособия театрам и киностудиям, но зато увеличил налоги на продажу кино- и театральные билеты. Злой министр дружит с Марсом — богом войны, который требует новых финансовых жертвоприношений.

Зрители на тротуаре без труда уловили главную идею пантомимы — искусство не

желает страдать от коварных посягательств мистера Марса. Нужно отметить, что фамилия автора пантомимы хорошо знакома широким зрительским массам Британии.

Пантомима прошла по улицам Лондона с большим успехом.

Как дома

Экс-диктатор Анастасио Сомоса прибыл к своему лучшему другу — Альфредо Стресснеру, который справлял 25-летие кровавого режима в Парагвае. Поблагодарив дорогого Альфредо за «традиционное гостеприимство» (действительно, сколько беглых фашистских преступников нашли в Парагвае пищу и кров!), Сомоса заявил корреспонденту местной газеты «Ой», что принял бы точно так же самого Альфредо, будь он изгнан из Парагвая.

Только этим я могу объяснить согласие премьер-министров Англии, ФРГ и Италии на размещение в их странах американских ракет среднего радиуса действия.

На троих

Во время пребывания Хуа Гофэна в ФРГ он и лидер баварских ультра Штраус поднимали тост «За великую Германию».

«За великую Германию!» — Выпил этот, Выпил тот... Вместе с ними За компанию Мрачной тенью Третий пьет.

Происшествия

НЕ ДОЖДАЛСЯ...

Сорокатрехлетний римлянин Пальмиро Фатторе, отец пятерых детей, почувствовал кинжальную резь в желудке. Родные доставили больного в ближайший пункт «скорой помощи». Однако там не оказалось необходимых приборов для точной диагностики, и беднягу переправили в римскую клинику «Вилла Бьянка». Тамашние врачи оснащены всем необходимым, кроме сущей мелочи — человеческой доброты. На носилках в приемном покое корчился от боли человек, а врачи подробно и вежливо втолковывали сопровождающим, что примут больного в клинику, только если тут же будет внесен аванс в размере 600 тысяч лир [456 рублей]. Кроме того, нужна гарантия, что за содержание больного будут платить 75 тысяч лир [57 рублей] в сутки плюс расходы на лекарство и т. д. Родные Фатторе клялись, что заплатят позднее, но эскулапы, скорбно качая головами, бубнили свое: «Наличными».

Торг закончился через час — ровно в ту минуту, когда Пальмиро Фатторе умер в приемном покое римской больницы «Вилла Бьянка».

Красная кровь на «черном рынке»

В Египте появился чрезвычайно ходкий товар — кровь бедняков-феллахов. Спекулянты платят донорам на «черном рынке» сорок долларов за триста пятьдесят «кубиков» крови — сумму немалую для нищего крестьянина или городского безработного. Но дельцы не внакладе. Они сбывают кровь в богатые княжества Персидского залива по цене в десять раз более высокой.

«Моя дорогая!» — наверняка обращается этот французский фермер к своей супруге. Супруга, бесспорно, дорогая, но горячее для трактора еще дороже... Фото из журнала «Уикэнд» (Англия).

Спрашивай — отвечаем!

РЕЦЕПТЫ И ЖИЗНЬ

Из сообщения лондонского журнала «Пипл ункли» я узнал, что британский премьер-министр г-жа Маргарет Тэтчер продиктовала нации нижеследующий рецепт преуспевания в жизни:

«Откажитесь от завтрака и почаще выключайте отопление. Держите себя в холоде и голоде. Вы будете более проворны, если не станете переедать и перегреваться. Кровь будет идти к мозгу, а не к животу».

Правилен ли совет британского премьер-министра?

Н. АНТОХИН,
г. Елабуга.

Мы попросили нашего консультанта по медицинским вопросам проф. А. Б. Папаверина ответить читателю Н. Антохину.

— В принципе совет не переедать и не перегреваться — абсолютно правильный. Но мало провозгласить доброе правило — важно применять его в жизни. Лично у меня сложилось впечатление, что ряд участников заседания Совета НАТО в Брюсселе явно злоупотреблял высококалорийными бифштексами и жирными сандвичами, отчего кровь прихлынула к их желудкам, отхлынув тем самым от их мыслительных аппаратов.

ФРАЗЫ.

Вначале было слово. А за ним последовало предупреждение.

*

Неточность — вежливость нападающих.

*

Перемачивая альпиниста в свою команду, тренер обещал ему золотые горы.

*

Финишной ленточкой бегуны оказалась цепь Гименея.

О. СЕИН,
г. Киев

КИЛИНСКИЙ,
Польша

Четвертый
справа во втором
ряду

— Стриги под него!
И. СЫЧЕВ,
г. Москва

Радослав БУМОВ,
Болгария

ИСКУССТВО И СПОРТ

Скульптор Генчо Енчев извел тонны гипса и глины, но никак не мог пробить свои творения на выставку «Искусство и спорт».

Первая скульптура, представленная Енчевым на конкурс, называлась «Дискобол». Фигура спортсмена являла собой предельное напряжение мускулов, динамичную гармонию тела, неистовую силу, сосредоточенную для броска. Жюри конкурса оценило дарование художника, его мастерство, трудолюбие, но...

— А где жизнь духа? — с дружеской улыбкой сказал Енчеву председатель жюри. — Вы смотрели на дискобола глазами болельщика, а нужно было проникнуть ему в душу мудрым взором гуманиста и философа.

— Проникну, — поклялся Генчо Енчев.

Он не пал духом. Не из таковских он был. Но на сей раз Генчо отправился за вдохновением и темой на велотрек. На крутобоком треке наматывали круг за кругом велосипедисты, согнув в бараний рог свои разноцветные спины. Енчев с сотнями других болельщиков кричал, свистел и восторгался, а потом пришел домой и создал скульптурную группу «Победители педалей».

— Талантливо! Поздравляю! — сказал председатель жюри, трижды облобызав автора. — Но... где мысль, где психология образа? Слишком много мускулов и экспрессии. Болельщик в вас победил художника.

Енчев поехал на соревнования по легкой атлетике. Добавив к эмоциям немного фантазии, он вылепил скульптуру «Бегун передает Олимпийский огонь». Председатель жюри чуть не заплакал от счастья.

— Вот это да! — воскликнул он. — Но... слишком много огня в руке этого стройного юноши, и, увы, не чувствуется опя в его груди.

Енчев вылепил скульптуру «Баскетболист в прыжке».

— Так не бывает, — единодушно решило жюри. — Ваш баскетболист висит на конце корзины и держится за мяч. И вообще много экспрессии, но мало одухотворенности. Поймите, милый, человек — это не комбинация мускулов и сухожилий. Вспомните великие творения Родена. Не грех и поучиться у классиков.

Дома бедняга Енчев устался на репродукцию роденовского «Мыслителя» и стал прикидывать и так и сяк.

...Когда покрывало спало с огромной фигуры, все члены жюри ахнули. В сидящей позе был изображен футболист, чем-то очень напоминавший «Мыслителя» Родена. Видимо, он размышлял — бить или не бить по мячу.

— Вот это, наконец, глубокое философское осмысление образа! — воскликнул председатель жюри, стиснув в объятиях скульптора. — Любой болельщик с первого взгляда узнает капитана нашей местной команды перед воротами противника!

Так скульптор-болельщик Генчо Енчев стал участником выставки «Искусство и спорт».

Перевел Н. ЛАВКОВСКИЙ.

Ю. ЧЕРЕПАНОВ

ОЛИМПИЙСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

1904

III Олимпиада

ЗА ПРАВО ПРОВЕДЕНИЯ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР
БОРОЛИСЬ ЧИКАГО И СЕНТ-ЛУИС. ПРИБЕГЛИ К
АРБИТРАЖУ САМОГО ПРЕЗИДЕНТА

«Сильнейшим» оказался Сент-Луис.

Меня вызвал редактор армейской газеты.

— Собирайся,— сказал он.— Вчера на совещании командующий армией товарищ Берзарин сказал, между прочим, что надо бы написать про полк Натрашвили. Он там в окружении дает жизни фрицам. Отчаянный командир этот Натрашвили. Я уже договорился. Тебя перебросят через линию фронта. Надо успеть.

Вечером я уже был на месте. На рассвете два славных парня из разведроты вывели меня на опушку сосновой рощи. Дальше—сам. По их словам, вон туда, километра четыре-пять пройти—выйду в расположение полка. А где именно искать самого Натрашвили, неизвестно. Там скажут. А если нарвешься на кого-то из наших, ругани его на всю катушку, поймет—свои...

Посветлело. Я шел по снежному полю, с трудом втаскивая ноги. Валенки проваливались чуть не до колен. Шел часа полтора. Тишина. Ни души. Наших не видать; плохо. Но и немцев нет, слава богу! Вдруг услышал слева вроде перестрелки. Прислушался—точно, ружейная трескотня. Спустился с пригорка—вперед, с километр не больше, деревенька. Вернее, несколько домов, все, что от нее осталось. Но стреляют не там, а где-то дальше. Подошел к крайней избе, вдруг голос:

— Стой, стрелять буду!

По совету разведчиков проорал «технические слова». Вышел на меня здоровенный детина, ему и стрелять ни к чему, он меня кулаком прихлопнуть мог бы.

— Где,— спрашиваю,— мне командира полка Натрашвили повидать?

Молчит: военную тайну соблюдает. Подвел меня к домику двухэтажному, с большим чердаком и на этот чердак доставил. А там двое: капитан молоденький и у окошка в полушубке кражистый дядя, глаза быстрые, усы черные, в бинокль смотрит, что-то наблюдает. Ясно—сам Натрашвили.

— Кто такой?— спрашивает.

Представился я. Батальонный комиссар. Корреспондент армейской газеты «Героический штурм». С заданием: рассказать, как полк воюет.

— Очень приятно,— говорит. И, чуть-чуть ехидно улыбнувшись, продолжает:— Это у вас там в редакции героический штурм, а у меня все тихо, спокойно. Сейчас веду бой вон за тот населенный пункт. Фашисты хотят отобрать, а Натрашвили не хочет отдавать. Небольшой конфликт получается... Кушать будете? У меня, знаете, повар из Полтавы, так он каждый день варит замечательный борщ. Откуда он только продукт берет, не понимаю. Но борщ замечательный, почти как харчо.

— Мне бы хотелось поговорить с бойцами и командирами.

— Нет, сначала будешь есть наш замечательный борщ. А я тебе буду рассказывать.

Он снова прильнул к биноклю.

— Кажется, ничего. Стихает. Сейчас прибежит связной. У нас, извините, телефон немножко не работает, потому что его нет. Где же борщ,

капитан?

— Несут,— сказал капитан. И появился тот самый детина, который нес службу охранения, а был, оказывается, еще и поваром.

— Вот,— сказал он, улыбаясь в предвкушении похвал. И поставил на ящик, служивший столом, котелки с вкусно пахнущим борщом.

— Прошу,— королевским жестом пригласил к столу хозяин.— Жаль, нет водки, но представим, что мы уже ее выпили.

Едва я зачерпнул ложкой, как появился связной, которого ждал Натрашвили. Он коротко доложил обстановку. Да, немцы отошли и притихли. Потери небольшие, но среди раненых командир батальона.

Натрашвили вскочил.

— Пошли!— сказал он.— Ай, какого командира ранили, сволочи!

Раненого несли на плащ-палатке. Он успокаивал командира: хотя задето плечо, но так ничего страшного. В медпункте разберутся...

Натрашвили приложил ладонь ко лбу комбата и сказал: «Ну, давай, чтобы все было хорошо».

Мы поднялись на чердак.

— Ну, давайте есть борщ. Он уже теплый, но ничего, пойдет за милую душу,— засмеялся командир полка.

Борщ в котелках и верно остыл, но издавал чарующий аромат. Мы снова взялись за ложки.

— Парашютисты! Спускаются на окраину деревни!— прокричал взбешенный по лестнице капитан.

— Все за мной!—скомандовал Натрашвили.— Гады, поесть не дадут. Оружие есть?—спросил меня.

— Есть,— сказал я, вытащив из кобуры свой «ТТ».

— Не годится,—раздраженно заметил он,— вон берите «ГПД».

Три купола тихо опустились к земле. Один приземлился раньше других, и немецкий автоматчик открыл огонь. Мы прикрывались за домами и по команде вели огонь по парашютистам: комполка и повар метили в автоматчика, капитан и я пытались настичуть цель в воздухе. Ветер сносил парашютистов в нашу сторону. Бой был коротким. Автоматчик умолк, его прошили пулевой очередью автоматы Натрашвили и доблестного кашевара. Второй упал на землю мертвым, и только третий умудрился освободиться от строп—его унесло ветром довольно далеко—и побежал в лес.

Мы вернулись на чердак.

— Я не понимаю,—сказал Натрашвили, притворно возмущаясь,— что немцам надо от Натрашвили? У них пулеметы и пушки. У них солдаты и все, что нужно. А у Натрашвили немножко храбрых бойцов, пушек и снарядов нет. Немножко приходится думать. Натрашвили думает. Он посылает в пустую деревеньку, где никого уже давно нет, пять хороших бойцов, и они топят все печки в домах. И дым такой идет из труб, что фашисты думают—там весь полк с командиром вместе. И они ведут артиллерийский обстрел. И даже бомбят с самолета. А Натрашвили в это время сидит со своими бойцами совсем в другой деревне и не топит печки. Не очень тепло, но стратегически правильно... Но в конце концов мы сегодня все-таки будем кушать борщ или не будем?

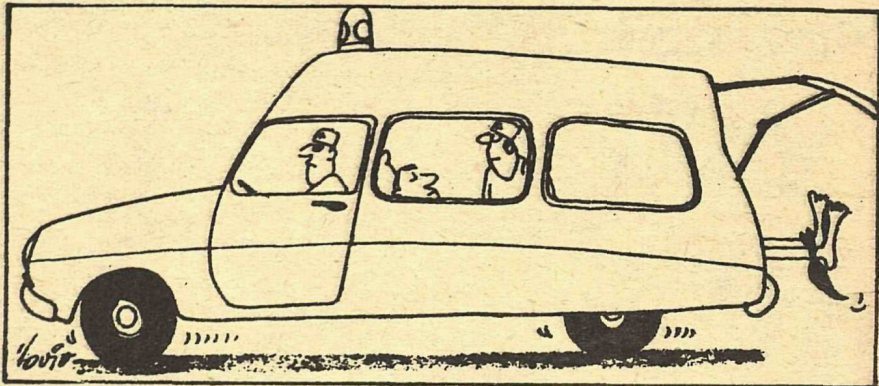
Ах, какой замечательный был борщ! Он не щекотал ноздри паром и не обжигал язык. Это был горячий борщ, холодный как лед.

Бор. ЮДИН,
гвардии майор в отставке.

УЛЫБКИ

Каждый раз, когда проповедник упоминал имя дьявола, одна старая леди кланялась. Однажды пастор спросил ее, почему она это делает.
— Видите ли,—сказала леди,— в моем возрасте лучше ни с кем не портить отношений...

«Джорни», Италия.

Слова, слова...

Разумеется, каждый человек — кузнец своего счастья, но не у каждого, увы, достаточно высокий кузнечный разряд.
Пословица гвинейских кузнецов.

Плохо быть на голову выше других — приходится перед каждым гнуть спину.

Фольклор африканских пигмеев.

Пример строгой борьбы с мелкими хищениями: изгнание из рая за кражу одного яблока.

Библейский фольклор.

Бюрократы бывают не только в учреждениях: жалобы на судьбу тоже остаются без ответа.

Из жалобы на судьбу.

— Она не охотничья, но всегда что-нибудь приносит.

«Жизнь», Чехословакия.

— Где вы работаете!
— На почте. Штемпелюю письма.
— Должно быть, это очень скучная работа!
— Скучная! О, что вы, пане, совсем нет! Ведь каждый день новая дата.

Гид ведет туристов по замку. В глубоком подземелье он показывает им несколько скелетов.
— Как они здесь очутились!—спросил один из туристов.
— Они решили сэкономить на экскурсоводе.

— До чего же медленно вы работаете, Браун! Вы хоть что-нибудь умеете делать быстро!
— Я быстро засыпаю.

№ 3 (2301)

январь

Главный редактор Е. П. ДУБРОВИН.

Редакционная коллегия:

М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ [зам. главного редактора], А. Б. ГОЛУБ, Б. Е. ЕФИМОВ, А. П. КРЫЛОВ [художественный редактор], Т. О. МАРЧИК, И. М. СЕМЕНОВ, М. Т. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, А. И. ХОДАНОВ [ответственный секретарь].

РАЗНЫХ

Октяв ПАНКУ-ЯШ
(Румыния)

Отцы на воскресенье

Воскресное утро. Двое мужчин сидят на скамейке.

ПЕРВЫЙ. Мне кажется, я вас откуда-то знаю...

ВТОРОЙ. И мне вы тоже кажетесь знакомым.

ПЕРВЫЙ. Простите, вы не работаете в кооперации?

ВТОРОЙ. Нет, наоборот, в строительстве.

ПЕРВЫЙ. В строительстве, в строительстве... Но где-то мы, безусловно, встречались...

ВТОРОЙ. Может быть, здесь? Я прихожу сюда в парк каждое воскресенье.

ПЕРВЫЙ. Вот оно что! И я здесь каждое воскресенье.

ВТОРОЙ (кричит, обращаясь к маленькому мальчику, который пытается вскарабкаться на клен). Джиджеле, детка, осторожнее!

ПЕРВЫЙ. Ваш?

ВТОРОЙ. Не похож?

ПЕРВЫЙ. Очень похож. А мой рядом. Похож?

ВТОРОЙ. Вылитый папаша. Рядом с какой стороны?

ПЕРВЫЙ. Мой вон тот, кто кладет камешки в рот девочке в сапожках. (Кричит.) Радукуле! Камешки грязные, детка, испачкаешь ручки. (Соседу по скамейке.) Маленький. Что он понимает.

ВТОРОЙ. Да-а, самое трудное — воспитание. Как я мучаюсь с моим каждое воскресенье!

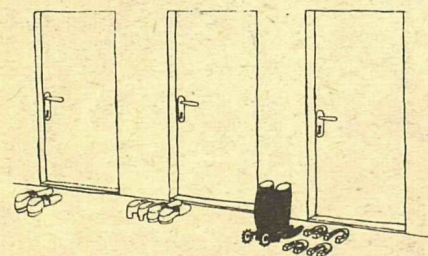
ПЕРВЫЙ. Как, и вы каждое воскресенье?..

ВТОРОЙ. Что значит «каждое»?

ПЕРВЫЙ. А то, что я каждое воскресенье... Вы когда развелись?

ВТОРОЙ. Так, сейчас подсчитаем... Джиджеле исполняется шесть. Ага, выходит, три года назад. А вы?

ПЕРВЫЙ. Я только два.

«Нуар э блан», Франция.

ВТОРОЙ. Можно считать, что стаж у нас одинаковый. (Кричит.) Джиджел, не режь шапку девочки перочинным ножиком. Может, ей это не нравится! (К собеседнику.) Купил вот ему перочинный нож. Надо же купить что-нибудь ребенку, когда встретишься с ним в воскресенье.

ПЕРВЫЙ. А я своему купил водяной пистолет. (Кричит.) Радукуле! Не надо, детка. Дядя старенький и спит. Не брызгай ему в уши. Он может простудиться.

ВТОРОЙ. А как вы с ним встречаетесь в воскресенье? Я так должен ждать своего на углу. Дальше мне нельзя.

ПЕРВЫЙ. У меня все просто. Я повешу, и он спускается.

ВТОРОЙ. Спускается с... ней?

ПЕРВЫЙ. Нет. Теперь мальчик большой. Он ездит на лифте и ходит один.

ВТОРОЙ. Наш... Вернее, ее... Я провозаю его до угла, до закускойной.

ПЕРВЫЙ. Хорошо, что у вас закусовая на углу.

ВТОРОЙ. У нас? Это у них. А вообще-то закусовая неплохая, ей-богу, неплохая.

ПЕРВЫЙ. Я лично предпочитаю кофейню. Знаете «Турецкую»?

ВТОРОЙ. Знаю ли я? В прошлое воскресенье я там полдня просидел со своим бездельником.

ПЕРВЫЙ. А мы как раз туда собирались. Там бильярд изумительный. Люблю, знаете ли, сгонять партию-другую...

ВТОРОЙ. Прекрасная идея. А... что делать с нашими, так сказать, сыновьями?

ПЕРВЫЙ. Боюсь, что им еще рано играть на бильярде. Знаете, что развлекает ребят? (Кричит.) Джиджеле! Не сыпь мальчику песок на голову. Песок используется в строительстве. У нас очень развитая промышленность. (Соседу.) Вот так и приходится воспитывать...

ВТОРОЙ (Кричит.). Радукуле! Поиграй с этим мальчиком и не ссорься!

ПЕРВЫЙ (вздыхая). Они наша радость...

ВТОРОЙ. Даже больше — наша жизнь!

ПЕРВЫЙ. И еще больше — наши воскресенья.

ВТОРОЙ (кричит). Радукуле! Жди, дорогой, когда папа проводит тебя до лифта.

ПЕРВЫЙ (кричит). Джиджел! Жди меня на углу.

Перевела Е. ПРЕСС.

— Зачем ты пьешь, Калле!
— Потому что хочу утопить свои заботы. Но они, подлые, научились плавать.

— Говорят, что я унаследовал ум моего отца.

— У вас, наверное, должно быть много братьев и сестер, с которыми вам пришлось поделиться.

ШИРОТ

— Ребята, познакомьтесь с лучшей женщиной на свете — женой Билли Брауна!

«Уикэнд», Англия.

В аптеке пожилая покупательница с пристрастием допрашивает продавщицу:

— Простите, мадам, я надеюсь, у вас есть медицинское образование!

— Да, мадам, я кончила медицинскую школу.

— Давно!

— Пятнадцать лет назад.

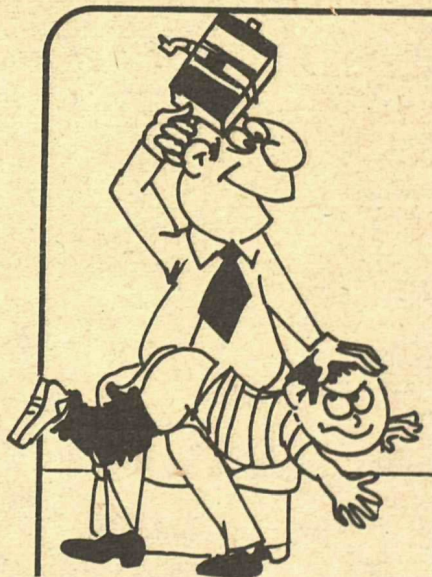
— Гм, надеюсь, вы хорошо учились!

— Да, мадам.

— Вы учились в провинции или в Париже!

— В Париже, мадам.

— Ну хорошо, — кивнула покупательница, — вы меня успокоили. Дайте мне, пожалуйста, пачку ваты.

— Эта книга по детской психологии очень хороша...

«Пиаса популярес», Бразилия.

Полуфабрика
Трильяж в
шоколаде
(с начинкой) 2.15

Ценник в магазине «Полуфабрикаты».

Прислал П. Блин,
г. Свердловск.

«Эти мастера, имея глубокие профессиональные знания, должны быть доброжелательными, терпеливыми, вежливыми и тактичными с людьми, которые обратились к ним за помощью.»

Это трудно. Но молодым ли бояться трудностей?!

Газета «Южная правда»,
г. Николаев.

«Экскаватор Э-304 № 68 сидел в бытовом помещении с 14-30 до 17-00, хотя работа ему была дана.»

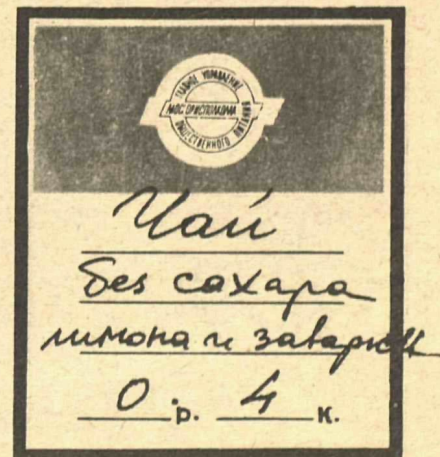
(Из объяснительной мастера)
Прислала Н. Веселова,
г. Нововинск.

«До 1 июня и впредь ежеквартально представлять в управление механизации образцы лиц, ответственных за эксплуатацию механизмов и оформление справок.»

(Из приказа)
Прислал П. Попов,
г. Новороссийск.

Прислал Н. Палади,
Березанский район
Николаевской области.

(Ценник в столовой).
Прислал Р. Юзов,
г. Москва.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

НАШ АДРЕС:
101455,
МОСКВА, ГСП,
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД,
Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
212-21-73

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали:
М. Абрамов, М. Вайсборд, В. Владов, Р. Друкман, Е. Милутка, В. Мохов,
И. Норинский, М. Седова, В. Спельников, И. Сычев, В. Тильман.

Технический редактор В. Г. МОЧАЛОВ. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 26.12.79. Подписано к печати 07.01.80. А 06506. Формат бумаги 70×108¹/₈. Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 5 800 000 экз. (1-й завод: 1—3 598 465). Изд. № 216. Заказ № 1735.

© Издательство «Правда». «Крокодил». 1980 г.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Сбор. Е. 80.

РАЗДУВАЮТ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.